
Философско-методологические проблемы

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ И КУЛЬТУРА. СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

Ю.И. АЛЕКСАНДРОВ, Н.Л. АЛЕКСАНДРОВА

Александров Юрий Иосифович — заведующий лабораторией Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор. Область научных интересов: психофизиология и психология научения и поведения, когнитивная нейронаука, проблемы сознания и эмоций, культурология. Автор книг «Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении» (1989), «Системные аспекты психической деятельности» (1999, совместно с А.В. Брушлинским, К.В. Судаковым, Е.А. Умрюхиным).

Контакты: nyualex@psychol.ras.ru

Александрова Наталья Львовна — старший научный сотрудник Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Область научных интересов: социальные представления, имплицитные концепции интеллекта, личность, личное и коллективное бессознательное, аналитическая психология.

Контакты: nataliya-alexandrova@yandex.ru

Резюме

Рассматриваются закономерности формирования и динамики структур субъективного опыта и культуры. Культура представлена как среда, включающая искусственно созданный набор «эффордансов». Описаны результаты, демонстрирующие динамику имплицитных представлений в период социально-экономических изменений в России. Приводятся аргументы в пользу того, что язык является специальным видоспецифическим инструментом отчета и самоотчета о результатах поведения, с помощью которого индивиды оценивают значение для сообщества каждого из индивидуальных результатов. Дано системное определение культуры, выделены ее элементы и единицы. Предлагается системное понимание морали. Обсуждается аналогия между моралью как характеристикой низкодифференцированных систем в структуре культуры и эмоцией как характеристикой низкодифференцированных систем в структуре субъективного опыта. Закон и сознание, напротив, связываются с высокодифференцированными системами указанных структур.

Введение

В настоящий момент понятие «культура» еще не приобрело статус категории, принятой в психологии, хотя необходимость его использования отчетливо осознается. Подчеркивается, что «культурное» шире, чем «социальное»; культурное включает, например, этническое, историческое своеобразие (Гусельцева, 2006). Задача настоящей работы состоит в том, чтобы с единых методологических позиций проанализировать и сравнить системные структуры субъективного опыта и культуры, рассмотреть их динамику и взаимозависимость. Используя идеи системности и развития для проведения этого анализа, мы исходим из того, что системно-эволюционная парадигма, оперирующая представлениями об «исторически развивающихся системах», может рассматриваться в качестве междисциплинарной и отвечает «современным тенденциям синтеза научных знаний... на основе

принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» (Степин, Кузнецова, 1994, с. 196). Сходные соображения высказывались также в следующих работах: Степин, 1991; Абульханова и др., 1996; Александров, 2006; Александров и др., 1999; Анохин, 2006; Анохин, 1975; Сергиенко, 2006; Швырков, 2006; Alexandrov et al., 2000, и др.

Как мы считаем, решение этой задачи может способствовать дальнейшему развитию того направления психологических (в том числе и психофизиологических) исследований, которое принимает необходимость учета представления о культуре для понимания психического. Оно может иметь значение и для анализа соотношения психического и социального, а значит, позволит продвигаться на пути разработки актуальной «психосоциальной проблемы» (Журавлев, 2003), причем поскольку здесь будут привлечены и

психофизиологические знания, то разработка этой проблемы окажется связанной с результатами, полученными при исследовании естественных основ психики. Если согласиться с хорошо обоснованными представлениями о том, что разработка проблемы развития не может быть эффективной при ограничении исследования «каким-то одним доменом или уровнем развивающейся системы, будь то гены, физиология... социальные факторы или культура» (Lickliter, 2000, p. 330), что встреча психологии и культурологии на пути междисциплинарного синтеза помогает психологии избежать узости взгляда на указанную проблему (Гусельцева, 2006), что сочетание нейронаук с социальной и когнитивной психологией позволяет идти гораздо дальше, чем это может сделать каждая из дисциплин в отдельности, способствуя, в частности, возникновению «социальной когнитивной нейронауки» (Lieberman, 2000, p. 127, 128; см. также рассмотрение формирования «нейроэкономики» на стыке нейронаук, психологии и экономики: Glimcher, Rustichini, 2004; формирования «moral cognitive neuroscience» на стыке нейронаук, социологии, психологии, этики и культурологии: Moll et al., 2002), и, наконец, что задача психологической науки состоит в интеграции знаний, получаемых на всех этих уровнях (Абульханова и др., 1996; Журавлев, 2003; Ломов, 2003; Швырков, 2006, и др.), можно надеяться, что подобный подход окажется весьма полезным в разработке указанной проблемы.

Кроме того, контакт психологии и культурологии помогает последней

избавиться от «психологического дилетантизма» в интерпретации закономерностей развития личности (Гусельцева, 2006, с. 14). Логично полагать также, что рассмотреть «личность как культурную сущность — значит подвести, по крайней мере, часть психологической теории под теорию культуры» (Марголис, 1986, с. 317). Можно надеяться, следовательно, что решение этой задачи окажется полезным также и для развития областей науки, в фокусе внимания которых находятся общественные отношения, общественное знание и культура.

Системная структура субъективного опыта

В системной психофизиологии (см.: Александров, 2004; Швырков, 2006; Alexandrov et al., 2000) формирование новой системы, направленной на достижение полезного приспособительного результата, рассматривается как фиксация этапа индивидуального развития — формирование нового элемента субъективного опыта в процессе научения.

В основе формирования новых систем при научении лежит процесс специализации нейронов относительно вновь формируемой системы. Нейроны для специализации отбираются из популяции «преспециализированных», сформировавшихся на ранних этапах онтогенеза клеток. Свойства этих клеток определяются и генетическими, и эпигенетическими факторами в процессе созревания.

Этим положениям системно-селекционной концепции научения (Швырков, 2006) созвучны современные идеи о «функциональной

специализации» клеток и о селективном принципе, лежащем в основе формирования нейронных объединений на ранних и поздних стадиях онтогенеза (Edelman, 1987). В основе селекции как в индивидуальном развитии, так и в эволюции лежит достижение положительного результата.

Системная специализация нейронов постоянна и означает их неизменное вовлечение в реализацию соответствующих функциональных систем. Таким образом, нейроны системоспецифичны. В настоящее время обнаружены нейроны, специализированные относительно самых разнообразных элементов опыта: актов использования определенных слов или идей у людей, актов «социального контакта» с определенными особями в стаде у обезьян, актов инструментального поведения у кроликов, актов ухода за новорожденными ягнятами у овец и др.

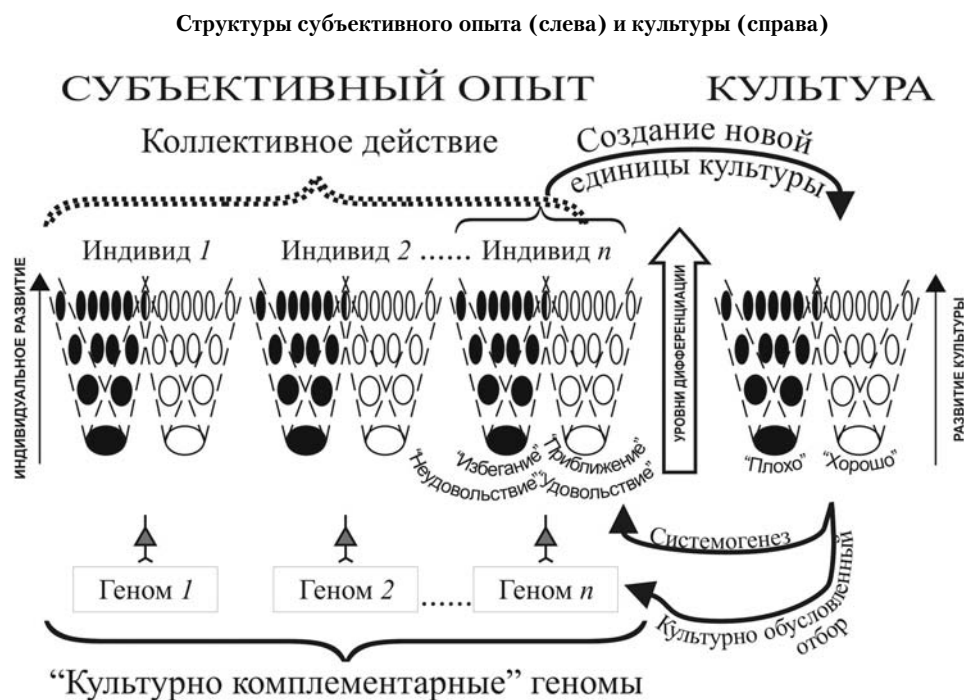
Положение о селекции и системоспецифичности не означает абсолютной предопределенности: как в раннем онтогенезе селекция не означает полной готовности, предопределенности моделей результатов даже видоспецифических актов — они формируются в зависимости от особенностей индивидуального развития, так и у взрослого наличие групп нейронов со специфическими свойствами, которые могут быть отобраны при научении, по-видимому, означает возможность сформировать не определенный акт, а определенный класс актов. Если принять гипотезу о том, что при формировании новой специализации нейронов в процессе научения (системогенеза) новому поведению используется очередной,

новый вариант реализации данного индивидуального генома, то с позиций высказанных соображений индивидуальное развитие может быть представлено как последовательность системогенезов и «актуализация» генома, связанная с системогенезами (Александров, 2004, 2005).

Вновь сформированные, все более дифференцированные системы не заменяют ранее сформированных, а «наслаиваются» на них. Таким образом, субъективный опыт индивида представляет собой структуру, образованную системами разного «возраста». Осуществление поведения обеспечивается не только посредством реализации новых систем, сформированных при обучении актам, которые составляют это поведение, но и посредством одновременной актуализации множества более старых систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития (рис. 1; фрагменты слева). Реализация поведения есть реализация истории формирования поведения, т. е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения.

Минимально необходимый набор систем разного возраста, актуализация которых обеспечивает достижение результата отдельного поведенческого акта, может быть рассмотрен как единица, а отдельная система — как элемент субъективного опыта. Из сказанного следует, что если история формирования внешне одинакового поведения у разных индивидов разная, то разными окажутся и структуры их опыта, и характеристики мозговой активности, обеспечивающей актуализацию этого опыта (подробнее см.: Александров, 1989, 2004;

Рис. 1

Примечание. Стрелка «уровни дифференциации» обозначает возрастание уровня дифференциации сравниваемых структур по мере их развития. Большие овалы внизу обозначают системы субъективного опыта и культуры наименьшей дифференциации. По мере развития число систем и уровень их дифференциации увеличиваются. «Белые системы» субъективного опыта обеспечивают реализацию поведенческих актов приближения (положительные эмоции), черные — избегания (отрицательные эмоции). В структуре культуры белые и черные овалы символизируют элементы культуры, задающие формирование в процессе системогенеза разрешенного, поощряемого и запретного, неодобряемого поведения соответственно. Пунктирные линии на фрагментах слева отграничивают наборы систем разного возраста и дифференциации, одновременная актуализация которых обеспечивает достижение результатов поведенческих актов, соответствующих тому или иному набору; справа — наборы систем — элементов культуры разного возраста и степени дифференциации, входящих в единицу культуры. Пересечение черных и белых овалов обозначает слева: внешне одинаковые акты поведения, направленные на достижение разных целей (достижения, избегания), справа — возможность использования в разных ситуациях разных единиц культуры, принадлежащих к поощряемому или запретному поведению для формирования внешне одинаковых групп действий. Стрелка «культурно обусловленный отбор» иллюстрирует идею ген-культурной коэволюции, а «системогенез» — идею о том, что формирование элементов опыта происходит в культуре. Между прямоугольником «геном» и овалами, символизирующими элементы — системы субъективного опыта, расположено схематическое изображение нейрона, указывающее на то, что реализация генома в данной культурной среде, выражающаяся в формировании систем субъективного опыта в процессе индивидуального развития, опосредствована селекцией и специализацией нейронов в отношении этих вновь формирующихся систем.

Швырков, 2006; Alexandrov et al., 2000).

Формирование субъективного опыта в культуре

Научение, или формирование субъективного опыта, — системогенез, который происходит в *культуре*, оказывается как культууро-, так и одновременно генетически детерминированным — зависящим от детерминированных генетически индивидуальных характеристик специализирующихся нейронов (Александров, 2005; Alexandrov, 2002). Зависящим от культуры оказывается не только формирование у индивидов сложных концепций (таких, например, как представление об умном человеке, целомудрии или бережливости — см. ниже), но и опыт, опосредствующий «простое» поведение, обычно рассматриваемое как «врожденное», «генетически жестко фиксированное». Показано, что люди в разных сообществах ходят очень по-разному. Ходьба — навык, который усваивается в культуре и особенности которого передаются от поколения к поколению как часть культурной традиции (Ingold, 2000). Особенности перцептивной активности также оказываются культурно обусловленными (Коул, 1997; Nisbett et al., 2001; Sebanz et al., 2006; Witkin, 1967; Witkin et al., 1962, и др.).

Имея в виду сказанное о культурной обусловленности поведения, как свойственного всем индивидам, так и индивидуально специфичного, нельзя согласиться с традиционным в психологии делением психических функций на низшие — «природные» и высшие — «культурные». Это деле-

ние, хотя и по другим причинам, ставится под сомнение также Н.Д. Гордеевой и В.П. Зинченко (Гордеева, Зинченко, 2001).

В заключении своей последней, опубликованной посмертно статьи А.Р. Лурия писал: «Общественные формы жизни заставляют мозг [человека] работать по-новому, приводят к возникновению качественно новых функциональных систем, и именно они являются предметом психологической науки» (Лурия, 1977, с. 76). Существует, однако, подкрепленное экспериментально и теоретически представление о том, что «определить культуру как качественно специфический для человека феномен логически соблазнительно, но эпистемологически сомнительно... Если культура человека принадлежит к культуре приматов, то, следовательно, культура приматов принадлежит к культуре млекопитающих, которая принадлежит к культуре позвоночных...» (McGrew, 1998, р. 303, 306). Поэтому характер, степень и в особенности качественный характер постулируемой новизны могут быть предметом специальной дискуссии. В этой дискуссии придется учесть мнения ряда авторов, в том числе Н. Хомского (Chomsky, 1968), в пользу принципиальных отличий языка от коммуникаций у животных (см. также: Панов, 2005; Ушакова, 2004), а также наличие именно у человека передачи от поколения к поколению знаний, символизируемых артефактами (Tommasello, 1999). Под артефактом обычно понимают любой искусственно созданный объект.

Дискуссия неизбежно должна будет затронуть и проблему существования у животных сообществ и

протокультуры. Принадлежность индивида к сообществу дает ему преимущества в защите от врагов, добыче пищи и пр. по сравнению с одиночным индивидом (Adolphs, 2001; Wilson, 1998). Протокультура (другие названия: прекультура, субкультура, квазикультура; см.: Kawai, 1965) проявляется в передаче негенетическим путем приобретенных навыков, изготовлении орудий, использовании коммуникационных сигналов, в том числе и при осуществлении животными коллективных действий, таких, как потребление пищи, собирание ее про запас, обеспечение детей, защита от нападения, охота, включающая изготовление сложных устройств для поимки жертвы, ритуальные действия и т. д. (Панов, 2005; Файнберг, 1980; Csányi, 1993; Dejean et al., 2005; Donald, 1993; McGrew, 1998; Rendell, Whitehead, 2001; van Schaik et al., 2003; Tomasello, 1999; Wilson, 1998; Whitehead, 1998; Whiten et al., 1999, 2005). Наконец, в ней могут быть приведены аргументы и в пользу того, что другие, ранее выдвигавшиеся критерии специфичности человеческой культуры были впоследствии фальсифицированы эмпирически (McGrew, 1998).

В любом случае позиции А.Р. Лурия (Лурия, 1977) и Л.С. Выготского (Выготский, 1996) и его последователей, являющиеся важнейшими составляющими отечественной и мировой психологии, а также подобные приведенным выше данные о влиянии культуры на особенности формирования субъективного опыта в разных культурах, четко указывают на необходимость учета культуры как фактора, определяющего развитие психики. Подобный учет, спра-

ведливо считает М. Дональд (Donald, 2000; см. также: Sebanz et al., 2006), совершенно необходим для того, чтобы избежать довольно распространенного в психологии и психофизиологии «когнитивного солипсизма», выражающегося в рассмотрении когнитивных процессов в связи с мозгом, но в отрыве от культуры.

Системная структура культуры

Структура культуры, как и структура субъективного мира, может быть проанализирована с позиций системного подхода (Иванченко, 1999; Карнейро, 1997; Alexandrov, 2001, 2002; Kitayama, 2002; White, 1949, и другие). Более того, Л. Уайт рассматривал системный подход как основной в интерпретации культуры в качестве целостного образования и определял ее как интегрированную систему, состоящую из подсистем. Он считал, что, когда символизированные явления (и предметы) рассматриваются во взаимосвязи с организмом человека, т. е. в соматическом контексте, их можно называть поведением человека, а изучающую их науку — психологией. Когда же они рассматриваются во взаимосвязи друг с другом, в экстрасоматическом контексте, их можно называть культурой, а изучающую их науку — культурологией (White, 1959).

Как нам представляется, последнее разграничение полезно, однако не должно абсолютизироваться. Скорее реальности соответствует подход к этим двум контекстам как к полюсам, между которыми «располагаются» интересы исследователей, формально принадлежащих к разным дисциплинам. При таком подходе

можно сказать, что фокус внимания авторов настоящей статьи расположен несколько ближе к «соматическому» полюсу.

Асоциального сознания не существует (Выготский, 1925/1987; Леонтьев, 1975, и др.). «Очень наивно понимать социальное только как коллективное, как наличие множества людей,— писал Л.С. Выготский.— Социальное и там, где есть только один человек и его личные переживания» (1925/1987; цит. по: Брушлинский, 1996, с. 23). Сходные идеи выдвигались также в работах Дж. Дьюи (1916/2000) и Дж. Болдуина (Baldwin, 1911).

Достижение результатов поведения индивидов имеет значение для других членов сообщества. Общественная организация деятельности такова, что отдельные индивидуальные действия приобретают смысл только в связи с действиями другого человека (Лурия, 1975а; Леонтьев, 1975). «Каждый шаг [человека] (курсив наш.— Ю.И. и Н.Л.) зависит от ожиданий, требований, одобрения или осуждения окружающих» (Дьюи, 1916/2000, с. 17), и «все поступки человека выступают как реальное изменение условий жизни других людей» (Рубинштейн, 1973, с. 372). С их действиями человек все время координирует свои действия (Sebanz et al., 2006). Всякое проявление его жизни, «даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявления жизни, является проявлением и утверждением общественной жизни» (Маркс, 1956, с. 590). Иначе говоря, любое индивидуальное действие одновременно есть и действие групповое (White, 1959).

Речевые структуры рассматриваются как «разделенные» с другими (Московичи, 1995б), а использование языка — как «форма совместного действия» (Sebanz et al., 2006; Mead, 1934). Само происхождение слова связывается с совершением человеком неких трудовых актов совместно с другими людьми (Богданов, 1913–1917; Лурия, 1979; Нуаре, 1925). Подчеркивается, что специфической особенностью восприятия человека (которое рассматривается как действие: Барабанщиков, 2002; Запорожец и др., 1967; Сергиенко, 2004, 2006) является включение в восприятие предмета обозначающего его слова (Знаков, 2005). Показана тесная связь мозгового обеспечения действий и функционирования тех «языковых» структур, которые семантически связаны с данными действиями (Pulvermüller, 2005).

Имея сказанное в виду, можно полагать, что, оценивая результаты *любых* своих поведенческих актов, человек, даже находясь наедине с собой, смотрит на себя «глазами общества» и «отчитывается» перед ним. Специальный видоспецифический инструмент вербального отчета, если таковой требуется (например, при коммуникации или в условиях эксперимента), а также самоотчета — язык. С помощью этого инструмента индивиды согласуют свои действия в достижении коллективных результатов, а также оценивают значение для сообщества каждого из индивидуальных результатов. Самоотчет, видимо, значительно более частое явление, чем отчет, а «внутренняя речь — это большая часть речи» (Хомский, 2005, с. 215). Мы полагаем, что вне подобной оценки результатов действий

не может ни сформироваться, ни реализоваться *никакое* целостное поведение. Здесь имеется в виду как «внешнее» (overt), так и «внутреннее» (covert) поведение. Неудивительно поэтому, что при достижении испытуемыми результата действия, о котором они по инструкции не должны давать вербального отчета, у них обнаруживается повышенная активность «речевых» зон мозга (Иваницкий, 1997).

Отчет или самоотчет о результатах действия с использованием языка становится содержанием наиболее высоких уровней сознания (Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005). В связи с этим, в частности, следует согласиться с мнением о значении сознания для совместной деятельности, для достижения «коллективных» результатов (Леонтьев, 1972; Рубинштейн, 1989; Уайт, 2004, и др.). Самоотчет об «одном и том же» внешнем поведении различен в разных социумах хотя бы уже потому, что в них различны социальные представления, которые обуславливают характер взаимодействия людей в достижении ими коллективных целей. Различно в связи с этим и значение «одних и тех же» слов, используемых для самоотчета (Moscovici, 1981; Voelklein, Howarth, 2005).

Следовательно, «независимой от общества» оценки индивидом совершенного ею/им целостного поведенческого акта не может быть. Не может потому, что эта оценка неизбежно производится с использованием языка, одним из центральных (если не центральным) назначений которого можно считать именно соотношение, согласование индивидуальных и коллективных результатов.

Д.И. Дубровский подчеркивает, что всякая деятельность сознания, в том числе мышление,— это общение. Общение невозможно без языка, следовательно, и мышление неразрывно связано с языком. Невербализованные уровни мышления, считает автор, существуют, но они находятся под *постоянным* влиянием процесса вербализации (Дубровский, 1977). В то же время мышление (Выготский, Лурия, 1993; Mandler, 2004), как и большинство других «психологических функций» (Сергиенко, 2006), имеется у ребенка на стадии, предшествующей овладению языком. Таким образом, утверждение «нет мышления без речи» (Поршнев, 1979, с. 144, но см.: Ушакова, 2004a) может быть принято для периода владения языком. Однако это не означает, что на довербальном этапе самоотчет о достигнутом результате «не социален». Ребенок вступает в «довербальные формы общения» (Сергиенко, 2006). Можно предположить, что у ребенка имеется «праязыковая» активность, являющаяся важной частью мозгового обеспечения такого общения, «терминология» которого используется в оценке результатов. Позднее формирующиеся дифференцированные системы «наслаиваются» на глобальные «праязыковые», не отменяя их, «язык картируется на превербальных концепциях» (Mandler, 2004, p. 512), на «ранее созданном... когнитивном базисе» (Clark, 2004, p. 476; см. также: Лурия, 1975; The ontogenesis..., 1971). Проверка данного предположения не укладывается в обычные разделы исследования освоения языка в раннем онтогенезе, посвященные исследованию перцепции и продукции слов

(см., например: Bates et al., 1992). Она требует картирования активности соответствующих мозговых структур, как это делается при изучении перцепции, но при совершении «неязыковых» действий с четко фиксированным результатом. В литературе имеются данные, свидетельствующие в пользу выдвинутого предположения (Ушакова, 2004; Bates et al., 1992, 1995; Dehaene-Lambertz et al., 2002; Mills et al., 1993; Xu, 2002).

Заметим, что, говоря о языке, мы имеем здесь в виду не слово само по себе, а знание, представленное словом (Рубинштейн, 1989). Знание может быть выражено не словом, а, например, жестом. В обоих случаях динамика формирования языковой коммуникации и ее мозговое обеспечение оказываются сходными (Cognin et al., 1992). Вероятно, в значительной степени перекрывающиеся группы нейронов специализируются в отношении «систем речепродукции», которые оказываются «вокализационными» в норме или «жестовыми» у немых (Александров, 2004).

Отношение оценки результатов действия к наиболее высоким уровням сознания, постулированное выше, не означает, что субъект может декларировать, что смотрит на себя именно «глазами общества», что социум постоянно влияет на оценки его индивидуальных результатов. Наоборот, по-видимому, особая сила социального воздействия, социального «принуждения» (см.: Московичи, 1995а, б; Лотман, 2000; Eder, 1996; Levi-Strousse, 1949) состоит в том, что оно осуществляется без потери субъектом ощущения «независимости от общества».

Состояние индивида, осознающего реальность: постоянное принуждение и контроль со стороны социума («глаза общества») над каждым его шагом, каждой невысказанной (даже самому себе) мыслью — сюжет антиутопии. Однако, во-первых, по крайней мере в значительной своей части принуждение и контроль не осознаются индивидом: принуждение, оказываемое социумом и выражающееся, в частности, в существовании имплицитных социальных представлений, действует на бессознательном уровне (Eder, 1996; Sternberg, 2002). Хотя имплицитные предпочтения и предубеждения определяют решения людей, последние не отдают себе отчета в существовании этого влияния (см. обзор в работе: Lieberman, 2000, а также Kitayama, 2002).

Во-вторых, попадание под канализирующее влияние социального контроля является неизбежным атрибутом принадлежности к социуму, в определенном смысле «платой» за преимущества этой принадлежности, платой, необходимой для согласования индивидуальных результатов, являющихся частью коллективного. Д.В. Ушаков (Ушаков, 2004) отмечает, что хорошо известный в социальной психологии феномен нашей зависимости от существующих в обществе стереотипов не является «пороком, омрачающим человеческую природу». Стереотип — это инструмент, обеспечивающий необходимую селективность для нашего «когнитивного функционирования», согласующегося с функционированием других.

Из всего сказанного следует, что независимость от общества может быть названа иллюзией. Даже сама

концепция независимости — продукт общественной организации. Но с позиций обыденного знания эта концепция оказывается вполне приемлемым социальным представлением, длительное существование которого, возможно, объясняется его полезностью для поддержания существования общества (путем формирования чувства независимости, индивидуальности, свободы от посторонних влияний и мнений).

Имея в виду сказанное выше, перейдем к определению культуры с позиций развиваемого здесь варианта системного подхода.

Определение культуры

Для формулировки нашего определения культуры примем, что культурной реальностью являются идеи, социальные представления (Московичи, 1995а, б), а не только артефакты. Культура — «инструментальный аппарат», благодаря которому человек решает проблемы, связанные с удовлетворением его потребностей, «это система объектов, видов деятельности и установок, каждая часть которой является средством достижения цели» (Малиновский, 1997, с. 683, 690); сходные соображения высказывал и Г. Мердок (Murdock, 1965).

Необходимо также учесть имеющиеся в литературе точки зрения о культуре как развитии деятельностного опыта человечества (Туровский, 1997), но взятом во «внетелесном аспекте» и выступающем как совокупность «феноменов, класс предметов и явлений, которые состоят в осуществлении... уникальной человеческой способности к символизации»

(Уайт, 2004, с. 79). Главное отличие среды, в которой развиваются люди, от среды развития животных, в том числе приматов, в том, что она включает знания, символизирующиеся артефактами (Tomasello, 1999; о различии знаков-символов у человека и животных см.: Бернштейн, 1990; Панов, 2005; Ушакова, 2004), которые входят в состав третьего мира К. Поппера (Popper, Eccles, 1977).

Также примем во внимание возможность понимания культуры как системы правил, инструкций и планов, используемых для организации поведения (Geertz, 1973). Учтем и позицию Д. Марголиса, понимающего под «культурными» системами «системы знаков», в которых существуют личности и результаты их деятельности; все, что производится «культурными» системами, «постижимо только в терминах следования правилам» (Марголис, 1986, с. 363).

Резюмируя, с излагаемых здесь теоретических позиций мы предлагаем под культурой данного сообщества понимать структуру, представленную набором элементов (систем) и единиц культуры, которые символизируют пути достижения коллективных результатов в данном сообществе на данном этапе его развития (Alexandrov, 2001, 2002). Мы согласны с А.А. Богдановым (Богданов, 1906), А.Р. Лурия (Лурия, 1975а), А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1975) и другими в том, что артефакты, во всяком случае, орудия суть «материализованные операции»; они определяют навыки деятельности, предполагающей постановку *разнообразных* целей и достижение результатов (в том числе позволяют

редуцировать сложное поведение к относительно простым фиксированным формам; см.: Иванченко, 1999). Тогда если накопленное в культуре знание в узком смысле слова (идеи, теории, концепции, правила и пр.) выступает в качестве набора «инструкций» (записанных или устных) по достижению тех или иных целей сообщества, то и артефакты являются «материализованными», «морфологизированными» правилами, фиксирующими способы достижения результатов, важных для сообщества.

Следует подчеркнуть, что если говорить об индивиде, развивающемся в культуре, то для него правила выступают в виде условий, задающих (канализирующих) научение достижению определенных результатов (системогенез; см. стрелку с соответствующим названием от культуры к структуре субъективного опыта на рис. 1), а не в виде конкретных указаний, напоминающих инструкцию к бытовому прибору, «стимулов-инструкций», предопределяющих определенную реакцию (см. далее раздел «Культура как набор "эффордансов").

Имея в виду теорию деятельности, в частности представление об уровнях ее макроструктуры, важно подчеркнуть, что в орудиях «материализованы» именно операции, а не действия и не цели (Леонтьев, 1975; Лурия, 1975а). С развиваемых здесь позиций операция, в отличие от классического понимания операции, — это понятие феноменологическое, характеризующее не специальный уровень организации, не «структурный состав» действия, а его специальную характеристику (Александров, 1995; см. также критику представления об

«операционном составе действия»: Абульханова-Славская, 1980). Но и при таком рассмотрении оказывается, что одна и та же «операционная характеристика» может принадлежать разным действиям. Следовательно, «инструкция», фиксированная в артефакте (например, «резать»), не предопределяет того, какое именно поведение индивид сформирует, но предоставляет возможность сформировать множество совершенно разных видов поведения.

Наше понимание элемента культуры может быть сопоставлено с концепциями мимов (Докинз, 1993) и культургенов у социобиологов (Wilson, 1998) — идея, паттерн, соответствующие артефакту, поведению. Иначе можно сказать, что с этой позиции культура состоит из фрагментов информации, передаваемой по наследству (Ingold, 2000). У фрагмента имеется определенный мозговой эквивалент, и в *индивидуализированной* форме он хранится в мозгу субъекта в качестве «узла семантической памяти» (Wilson, 1998, p. 136). Авторы этих концепций, весьма популярных, находятся непосредственно на соматическом полюсе. Они рассматривают мозг как «среду обитания» элементов и единиц культуры и, как нам представляется, меньше, чем это минимально необходимо, учитывают экстрасоматический контекст. Не вдаваясь в детальное сопоставление, отметим главное. Мы полагаем, что индивид усваивает и хранит «в мозгу» (в памяти) элементы субъективного опыта, сформированного в культуре, а не элементы культуры (см. ниже). К сходному выводу приходят М. Дональд (Donald, 2000), отмечающий, что позиция Р. Доукинза

есть позиция когнитивного солипсизма, и С. Китаёма, который подчеркивает, что «сведение систем культуры к структурам [индивидуального] знания неоправданно сужает взгляд на культуру» (Kitayama, 2002, p. 94).

«Культурная специализация» индивидов может быть рассмотрена как формирование такой структуры субъективного опыта в данной культуре, которая *комплементарна* структурам других индивидов. Иначе говоря, обучение в культуре означает, что индивиды научаются выполнять определенную часть общей работы в достижении коллективных результатов. Отсюда ясно, что чем более дифференцированы способы достижения результатов, тем разнообразнее и «тоньше» специализации людей. Как отмечал А.А. Богданов, специализация индивидов в обществе является проявлением системной дифференциации и нарастает по мере дифференциации структуры культуры (Богданов, 1913–1917).

Культурная специализация индивидов и связанные с ней особенности их субъективного опыта обнаруживают себя при исследовании мозгового обеспечения поведения: у индивидов, имеющих разную специализацию, паттерны мозговой активации при осуществлении внешне одинаковых действий оказываются разными, различаются проекции тела и даже размеры мозговых структур (Gauthier et al., 2000; Elbert et al., 1995; Pantev et al., 1998; Maguire et al., 2000).

Наличие социальной среды обуславливает культурозависимую генетическую эволюцию (Дубинин, 1977; Donald, 2000; Rendell, Whitehead, 2001; Whitehead, 1998; Wilson,

1998); при этом биологическая и культурная эволюция рассматриваются как аспекты единого процесса «ген-культурной коэволюции». С одной стороны, индивиды данного вида вносят вклад в конструирование ниши, а с другой — давление отбора на них и их потомков (Day et al., 2003; Bloom, 2001), так что генетически и эпигенетически детерминированный набор преспециализаций нейронов у особей данного вида оказывается в определенной степени нише- (культурно) зависимым (Александров, 2005; Alexandrov, 2001).

Упрощая, можно сказать, что ниша зависит и от специализации нейронов, а паттерн специализаций (следовательно, структура субъективного опыта) — и от ниши. Таким образом, оказывается, что, действительно, свойства нейронов человека не просто делают возможным освоение культуры, но и определяют необходимость ее освоения (Geertz, 1973). Биологическое и культурное предстают в качестве аспектов системогенеза.

Отметим, что эволюция человека, живущего в изменяющейся культуре, в том числе эволюция его мозга, продолжалась на всем протяжении существования человека, включая период около 10000 лет с момента возведения первых городских стен, и продолжается сейчас, причем, вероятно, происходит она довольно быстро (Bloom, 2001; Mekel-Bobrov et al., 2005).

Поскольку культура не только определяет характер (и межиндивидуальную эпигенетическую согласованность) формируемых элементов субъективного опыта, но влияет на отбор геномов (ген-культурная

коэволюция), то, имея в виду сказанное выше о культурной специализации индивидов и о детерминантах нейронных преспециализаций, можно полагать, что в обществе складывается «культурная комплементарность» (Alexandrov, 2001, 2002) индивидуальных геномов (рис. 1). В данном контексте культурная комплементарность означает, что генетические предрасположения и связанные с ними «культурные специализации» индивидов согласованы и взаимодополнительны внутри данного сообщества.

Обсуждая роль индивидов в развитии культуры, следует отметить, что здесь приложима логика, сходная с той, что была применена к пониманию соотношения индивидуального и коллективного результатов. Несмотря на то что новая идея возникает у определенного человека, а не во всем обществе (Дьюи, 1916) и что именно «индивидуальная инициатива может привести к открытию новых истин... это дело коллективное. <...> Новации, предложенные отдельными индивидами, нужно рассматривать в качестве возможных способов решения тех проблем, которые являются источниками коллективной неудовлетворенности» (Тулмин, 1984, с. 208–209). Они являются «коллективным делом» и связаны с оценкой, которую дает инновации общество, даже в том случае, если это самоотчет, который, как уже отмечалось выше, принципиально социален.

Креативный акт есть вариант процесса научения (Guilford, 1950), постоянно имеющего место на протяжении жизни индивида. И если рассматривать креативный акт лишь «с позиции индивида», то разница между инновацией и индивидуаль-

ным постижением становится эфемерной (Bereiter, Scardamalia, 1996; Popper, Eccles, 1977). Учет же позиции социума, основанный на понимании креативности как атрибута социума, а не индивида (Feldman et al., 1994), сразу делает ясным, что, прежде чем предположение станет реальной возможностью, будет «включено в культуру» в качестве инновации, оно должно быть *коллективно* воспринято как новое и заслуживающее внимания (Тулмин, 1984), оценено в соответствии с внешними по отношению к индивиду стандартами (Candy, Edmonds, 1999). Сказанное не отменяет положения, сформулированного Дж. Гилфордом, но позволяет предположить, что научение и креативность — разные полюсы одного континуума (Thornton, 2003). Попытки найти разницу между обычным научением и реальной инновацией лишь «в голове индивида» без учета структуры культуры, канализирующей данное научение, по-видимому, неэффективны и могут быть рассмотрены как вариант когнитивного солипсизма.

Учитывая вышесказанное, на рис. 1 сплошная стрелка, символизирующая формирование новой единицы культуры, идет от фрагмента — структуры субъективного опыта индивида, но перекрывается пунктирной линией, указывающей на вовлеченность в процесс инновации общества.

Аналогии между системными структурами субъективного опыта и культуры

По-видимому, существует не только сходство, но и строгая параллельность

между структурными единицами попперовских Мира II (мир состояний сознания и «субъективного знания») и Мира III (мир созданных человеком идей и артефактов, мир «объективного знания») (Сколимовский, 1969/2000). Соотносимость этих структур отмечалась и другими авторами (Коул, 1997; Witkin, 1967; Witkin et al., 1962; Nisbett, Miyamoto, 2005; Лотман, 2000). Сопоставление культуры и субъективного опыта с наших позиций позволяет обнаружить следующие аналогии.

1. Формирование обеих структур — субъективного опыта и культуры — основано на *принципе селекции*.

Выше было описано формирование элементов субъективного опыта как представленное стадиями селекции нейронов, разворачивающимися при созревании и у взрослого. Культура также формируется путем отбора ее компонентов (Доукинз, 1993; Поппер, 1983; Смелзер, 1994; Тулмин, 1984).

2. Развитие и субъективного опыта, и культуры осуществляется как переход *от менее дифференцированных к более дифференцированным формам* (рис.1).

Рядом авторов были приведены аргументы в пользу того, что и онто-, и филогенетическое развитие может быть рассмотрено как нарастающая дифференциация и сложность в отношении индивида со средой (Александров, 1989; Чуприкова, 1997; Сергиенко, 2004, 2006; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005; Tononi, Edelman, 1998; Werner, 1962; Werner, Kaplan, 1956).

В случае культуры дифференциация проявляется в переходе от слитности и необособленности к стадии

расчленения и дифференциации общественной жизни, в возрастающей сложности общественных связей и норм их регулирования (Вебер, 1920/1990; Дюркгейм, 1911/1991; Богданов, 1913–1917; Чуприкова, 2000), в увеличении числа различных «культурных специализаций» и уменьшении «доли культуры», осваиваемой индивидом. Показатели дифференциации субъективного опыта и культуры связаны положительной корреляцией (Коул, 1997; Witkin, 1967; Witkin et al., 1962).

3. Как при формировании структуры субъективного опыта, так и при формировании структуры культуры *вновь образовавшиеся элементы этих структур не отменяют ранее образованных, но «наслаиваются» на них* (рис. 1).

Что касается структуры опыта, как уже было отмечено выше, она представлена всеми системами, накопленными индивидом на протяжении его жизни (Швырков, 2006; Александров, 2004; Alexandrov et al., 2000; ранее подобные идеи высказывались в следующих работах: Бернштейн, 1990; Орбели, 1942; Jackson, 1958; Ribot, 1901). Одним из следствий наслоения является увеличение числа элементов, составляющих единицы культуры и опыта, при формировании нового элемента структуры (на рис. 1 единицы отграничены парами пунктирных линий). Видимо, в обоих случаях число связей между элементами структур (их сложность) нарастает быстрее, чем число элементов (см.: Gabora, 1997).

Анализ закономерностей развития культуры приводит авторов к формулировке сходных положений (Вебер, 1920/1990; Лотман, 2000;

Рыбаков, 1981; Donald, 1993). Эволюция религиозных представлений рассматривается как «наслаивание нового на старое» (Рыбаков, 1981, с. 598). Архаичные представления, возникающие на ранних стадиях развития, продолжают существовать несмотря на то, что «над ними» уже сформировались новые наслоения.

Данная закономерность обнаруживается не только при анализе религиозной жизни. В петровские и послепетровские времена, как отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский (Лотман, Успенский, 1977), не происходило противопоставление вновь формирующейся «европеизированной» части русской жизни ее «азиатской» толще, хотя такая трактовка соотношения старого и нового в послепетровской культуре постоянно репродуцируется. Прослеживается данный феномен и в литературе: «Ни один из типов, созданных великими русскими писателями... не исчезает из литературы» (Лихачев, 1994, с. 724).

Таким образом, создать новую единицу культуры можно, только согласовав вновь сформированный элемент и созданные ранее. Это касается и создания новой единицы, предполагающей «разрушение» старого.

4. Выше отмечалось, что *реализация поведения* есть реализация истории формирования поведения, которая осуществляется посредством *одновременной актуализации множества элементов опыта — систем разного возраста*.

Ю.М. Лотман, рассматривая культуру как «коллективную память», подчеркивает, что элементы коллективной памяти, как и индивидуальной, могут быть актуализированы (Лотман, 2000, с. 673). Обнару-

жение ремнантов в современности (см. п. 3 настоящего раздела, а также Raudsepp, 2005) позволяет полагать, что *в культуре процесс актуализации также затрагивает множество систем: наряду с новыми и древние ее элементы*.

Культура как набор эффордансов

М. Коул справедливо критикует распространенное в психологии рассмотрение культуры как независимой переменной, а психики — как зависимой (Коул, 1997). При этом, отмечает он, культура оказывается стимулом, а психика — реакцией. В то же время последовательный системный подход и отказ от парадигмы реактивности заставляет отказаться и от рассмотрения культуры как набора стимулов, действующих на индивида, а индивида — как реагирующего на эти «стимулы-знания» или «стимулы-инструкции» (см. выше), «усваивающего» культуру.

Реактивностному подходу к индивиду как реагирующему на среду наблюдателю противостоит рассмотрение его как активного субъекта (Брушлинский, 2003). В физиологии и психологии (особенно в теории деятельности) принцип активности справедливо рассматривается как «оппозиция», «антипод» принципу реактивности (Асмолов, 1983; Петренко, 1999; Engel et al., 2001; Freeman, 1997; Thompson, Varela, 2001, и др.). С позиций активностной парадигмы (см.: Александров, 2004; Бернштейн, 1990; Швырков, 2006; Анохин, 1975) логично по аналогии с рассмотрением соотношения среда — организм в экологической психологии представить культуру как среду

(см. также: Гусельцева, 2006), включающую искусственно созданный набор «эффордансов» (Alexandrov, 2002; Varensten, Trettvik, 2002; Ingold, 2000; Kitayama, 2002; Kitayama, Markus, 1999; Nisbett, Miyamoto, 2005). Эффордансы являются не стимулами, а «предоставителями» возможности сформировать и реализовать определенное поведение (Гибсон, 1988).

Выше мы специально подчеркнули, что человек именно формирует в культуре свой опыт, а не, как это представлялось (Психологические исследования..., 1975; Швырков, 2006; Alexandrov, 1999a, 2000; Wilson, 1998), «усваивает» ее содержание или «усваивает элементы общественного сознания», превращая их в «элементы индивидуального сознания». Иначе говоря, формирование элементов индивидуального опыта, системогенез (научение) разворачивается в культурной среде, и каждый из элементов имеет «культурное содержание». Развитие опыта индивида предстает не как следствие «передачи ему информации», а как «направляемое переоткрытие» способа достижения результата (Ingold, 2000, p. 288). Таким образом, не только коллективное представление оказывается «антикартезианским понятием» (Московичи, 1995a, с. 5), но и культура в целом.

Стабильность и динамика структуры культуры и субъективного опыта

Культура может быть представлена как «поток», «динамическая среда»; ее содержание постоянно изменяется (Уайт, 2004; Лихачев, 1994).

Соответственно меняется отношение к «теще... целомудрию, эвтаназии, рабству, расторжению брака, бережливости... и еще тысяче подобных вещей» (Уайт, 2004, с. 77). Меняются, причем при резких социально-исторических изменениях довольно быстро, не только сложные социальные представления, но и такие «элементарные процессы», как когнитивные или эмоциональные (Богданов, 1906, 1913–1917; Kitayama, 2002; Лурия, 1982).

Социальная организация серьезно изменилась в нашей стране за последние годы. Соответственно обнаруживаются и изменения «российского менталитета», связанные с перестройкой общественной идеологии (Воловикова, 2005). Действительно, уже подрастает поколение, знакомое непосредственно с другой, ранее существовавшей социально-экономической системой. В социальной психологии отмечается, что масштабный «естественный экономический "эксперимент"», осуществленный в нашей стране, обуславливает «динамику социально-психологических феноменов», причем «среди социально-экономических изменений наибольший интерес вызывает смена форм и отношений собственности» (Журавлев, 1997, с. 123, 124). Если принять, что культура и структура субъективного мира индивидов, формирующихся в данной культуре, системны, а следовательно, целостны, можно предположить, что определенную динамику должны претерпевать и те представления, которые, казалось бы, не связаны прямо с формами собственности,— например, имплицитные представления об интеллектуальной личности.

ИмPLICITные представления относятся к социальным представлениям, составляющим обыденное знание (Московичи, 1995 а, б). Ясно, что социальные представления — динамический феномен, но экспериментально их динамика очень мало изучена. В то же время результаты такого изучения, особенно приуроченного к периодам серьезных социальных изменений, имеют важное теоретическое и практическое значение (Raudsepp, 2005).

ИмPLICITные представления являются основой формирования поведения человека, существенно определяя его эффективный, «успешный интеллект» (Sternberg, 2002). Их, как и культуру вообще (см. предыдущий раздел), можно рассмотреть в качестве эффордансов для соответствующих форм поведения (Raudsepp, 2005). От содержания обыденного знания в значительной степени зависит результативность индивидуальной (коллективной) деятельности и в конечном счете выживание социума (Московичи, 1995а, б). Поэтому кросскультурное сопоставление имPLICITных представлений, в частности представлений об интеллектуальной личности, и анализ их модификаций в связи с изменениями общественного устройства имеют значение не только для развития собственно науки (психологии, социологии, культурологии), заинтересованной в понимании состава, вариативности, культурной специфичности и динамики обыденного знания, но и опосредствованно для формирования самого этого знания.

В специальных исследованиях были получены данные, которые отчетливо демонстрируют зависимость

характеристик субъективного опыта от особенностей культуры того сообщества, в котором этот опыт формируется. Сопоставлялись имPLICITные представления об интеллектуальной личности в России в сравнении с таковыми в других странах, а также эти представления в России на последовательных этапах происходящих в ней социально-экономических изменений. Исследования имPLICITных концепций интеллектуальности на российской выборке проводились в 1994 г. (Смирнова (Александрова), 1993, 1994, 1997) и через 10 лет — в 2004 г. (Одинцова, 2005). Конечно, для сравнения динамики общественного сознания лучше брать несколько временных срезов. Однако ряд исследователей считают возможным ограничиться двумя срезами. И в этом случае выявляется динамика, особенно выраженная в тех случаях, когда срезы совпадают с узловыми моментами развития общества (см.: Петренко, Митина, 1997).

Основным результатом работ, посвященных исследованию имPLICITных концепций интеллектуальности, явилось выделение ее двухкомпонентной структуры — «когнитивной» и «социальной» — и выявление вклада каждого из этих компонентов в общее представление об интеллектуальности. Под когнитивными понимаются те особенности деятельности субъекта, которые характеризуют его обучаемость, логичность рассуждений, способность к решению задач, внимательность и наблюдательность, уровень образования, эрудицию и т. д.; под социальными — общительность, порядочность, доброжелательность, умение выслушать другого и т. д.

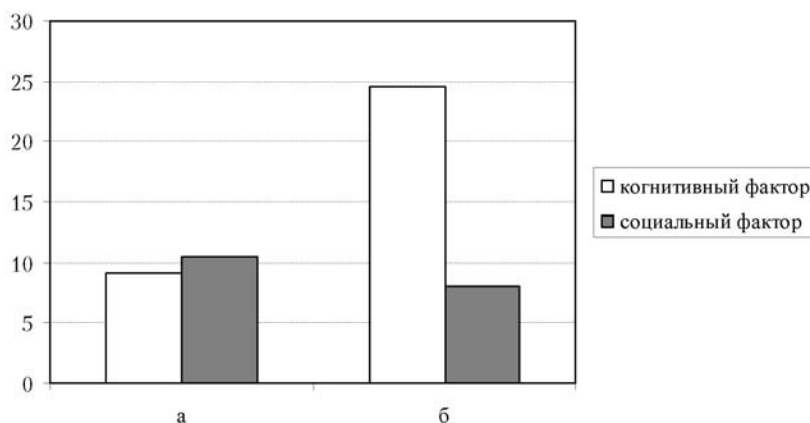
В американском исследовании представлений об умном человеке (Sternberg et al., 1981) были получены данные, которые привели авторов к заключению о том, что когнитивный компонент является ведущим в представлениях об интеллектуальной личности. В японском же исследовании (Azuma, Kashiwagi, 1987) на первый план выступает социальный фактор. Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с проявлениями особенностей западной и восточной культур, в частности, рационалистических и индивидуалистических традиций западного общества и коллективистических традиций и «ненаучного» (при рассмотрении с позиции западных стандартов) стиля мышления в Азии (Nisbett et al., 2001).

В нашем исследовании 1994 г. была выявлена ведущая роль социального фактора, что совпадает с данными японского исследования и расхо-

дится с данными американского. Когнитивный фактор в нашем исследовании занял второе место, хотя с близким к социальному значением (рис 2а). По-видимому, это означает, что по своим традициям и стилю мышления, во всяком случае, в том их аспекте, который определяет изученные характеристики прототипов, наша выборка являлась в большей степени восточной, чем западной. Заметим, что в нашем обществе интеллектуальность обычно связывается с понятием интеллигентности, традиционно включающим морально-этическую оценку (см., например: Марцинковская, 1994). Интересно, что в словаре В. Даля «интеллектуальный» определяется как «духовный, умственный» (именно в этой последовательности) при том, что «духовный», по В. Далю, относится не только к умственным силам, но и к *нравственным чувствам*. В словаре иностранных слов, в основном составленном в

Рис. 2

Ведущие факторы, выявленные в результате факторного анализа оценок дескрипторов интеллектуальной личности в исследованиях 1994 г. (а) и 2004 г. (б).
По оси ординат – проценты объясненной дисперсии

1979 г., даны те же слова, в той же последовательности: духовный, умственный. В то же время в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1988 и 2002) слова те же, но последовательность иная: умственный, духовный. Иначе обстоит дело с английскими словарями (см., например: Cambridge International Dictionary of English, Oxford Univ. Dict., 1981). Там интеллектуальность определяется как сила разума, способность рассуждать, которая специально противопоставляется чувству. Не удивительно, что содержание словарей и социальные представления сопоставимы. Сказанное выше, как нам представляется, приходит в противоречие с утверждением Д.С. Лихачева о том, что «азиатское начало в русской культуре не более чем мираж» (Лихачев, 1994, с. 724).

Особый интерес представляет оценка динамики представлений об умном человеке в России за период с начала 1990-х гг. по настоящее время. В этот период происходило существенное изменение ценностных ориентаций (Журавлев, 1997). Исследование, проведенное в 2004 г., показало, что имплицитные концепции интеллектуальности претерпевают «вестернизацию»: когнитивный фактор занимает первое место; социальный, далеко уступая ему, уходит на второе место (рис. 2б). Наряду с изменением можно отметить и существование стабильной характеристики изученных представлений: обнаруживается устойчивость двух основных факторов – когнитивного и социального. Оба эти фактора были выделены в исследованиях 1994 и 2004 гг., хотя при существенно разном соотношении.

Особо подчеркнем, что, несмотря на отмеченную «вестернизацию», и в исследовании 2004 г. продолжает выявляться *социально-этический фактор, который не обнаруживается в американской выборке.*

Полученные данные показывают, что изменения, происходящие в российском обществе и в российском менталитете, отражаются в модификации обыденных концепций интеллектуальности. В то же время последние имеют и устойчивые характеристики, которые могут быть связаны с наличием у имплицитных концепций постоянного ядра, наряду с периферией, подверженной модификациям (Abric, 1984, 1993). В наших терминах устойчивость может объясняться тем, что динамика структур как субъективного опыта, так и культуры, связанная с указанными изменениями, имеет своей основой наслоение новых элементов на ранее сформированные, а не замену старых новыми (см. выше).

Таким образом, специфика данной культуры и субъективного опыта, в ней формирующегося, могут сохраняться, претерпевая в то же время глубокие изменения. Р. Нисбетт и др. (Nisbett et al., 2001) на основе обзора значительного материала приходят к заключению о том, что различия культур, которые были свойственны древнему Китаю в сравнении с Грецией (VIII–III века до нашей эры), продолжают сохраняться до сих пор, характеризуя современный Китай и другие азиатские страны в сравнении с Америкой и Европой, а также с находящимися под европейским влиянием странами. Это заключение по смыслу находится в соответствии с полученным нами эмпирическим материалом.

От эмоций к сознанию и от морали к закону

Выше подчеркивалось, что общей закономерностью, описывающей развитие субъективного опыта и культуры, является переход от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Ниже будут приведены аргументы в пользу того, что системная дифференциация опыта может быть рассмотрена как движение от эмоций к сознанию, а культуры — от морали к закону. Это, во-первых, позволит дополнить сопоставление структур субъективного опыта и культуры, а также раскрыть дифференциацию структуры культуры в процессе ее развития. Во-вторых, оно даст возможность по-новому, с системной точки зрения подойти к пониманию морали и внести вклад в разработку актуальной, активно обсуждаемой проблемы соотношения морали и эмоций (Casebeer, 2003; Greene et al., 2001; Haidt, 2001; Moll et al., 2005, 2002, и др.).

Эмоции и сознание

Несмотря на то что в настоящее время все больше авторов разделяют позицию, согласно которой традиционное рассмотрение когнитивных и эмоциональных характеристик поведения индивида как отдельных функций и процессов и связанное с этим рассмотрением раздельное изучение сознания и эмоций неадекватно (см., например, обзор Glazer, 2000), превалирующим все же остается дизъюнктивный подход, который включает следующие положения (в эксплицитной или имплицитной формах):

1) существуют специфические, гетерогенные, можно даже сказать — полярные когнитивные и аффективные психические процессы: «лед» и «пламень» соответственно;

2) протекание этих процессов обеспечивается активностью разных структур мозга (или частей одной структуры) и разных нейронов;

3) будучи отдельными механизмами, «устройствами», «субсистемами», входящими в состав целостной «машины» организма, когнитивные и аффективные процессы могут «влиять» друг на друга, «проникать» друг в друга, «взаимодействовать», «согласовываться» друг с другом, «порождать» друг друга и т. п.

Названные положения дизъюнктивного подхода хорошо соответствуют присущим картезианству локализации и редукционизму (см.: Александров, 1989, 2004; Анохин, 1975, 1980; Швырков, 2006) и вписываются в аристотелевскую логику, оперирующую оппозиционными парами, такими, как «земной — небесный», «нормальный — патологический», «когнитивный — аффективный» и т. п. (см.: Левин, 1935/1990).

С.Л. Рубинштейн отмечал, что психологи «часто говорят о единстве эмоций, аффекта и интеллекта, полагая, что этим преодолевают... точку зрения, расчленяющую психологию на отдельные элементы, или функции. Между тем подобными формулировками исследователь лишь подчеркивает зависимость от идей, которые стремится преодолеть» (Рубинштейн, 1989а, с. 153). Как нам представляется, недизъюнктивный подход (см.: Брушлинский, 2003) к пониманию сознания и эмоций разработан в единой концепции сознания и эмоций

(Александров, 1995а; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005).

Выше использовались термины «сознание», «когнитивный», «эмоции». Поскольку в литературе не существует общепринятого их понимания, необходимо предварить формулировку основного содержания концепции тем, как мы понимаем соотношение между данными терминами.

Понимание термина «когнитивный» варьирует от его использования просто в качестве рубрики, объединяющей перечисление разнообразных функций и процессов (таких, как память, мышление, решение проблем и многое другое), до применения его для обозначения тех или иных целостных приспособительных действий индивида. Слово «сознание» также используется авторами в самых разнообразных значениях и связывается в их работах с самыми разными феноменами (см.: Block, 1995). Разные значения придаются и термину «эмоция» (см.: de Sousa, 2003).

К позиции развиваемого здесь варианта системного подхода наиболее близко понимание cognition как процесса активного взаимодействия со средой, порождающего знания в качестве средств достижения целей, или, в более широком смысле, как эффективного действия, которое позволяет индивиду продолжить свое существование в окружающей среде; при этом познавать — значит учиться индивидуальным актам или кооперативным взаимодействиям (Maturana, Varela, 1987; Maturana, 1970). Из данного определения следует, что позиция авторов в этой части соответствует точкам зрения, согласно кото-

рым разделение, противопоставление «знания» и «действия» не оправданно (Дьюи, 2000; Сергиенко, 2006).

В рамках такого понимания оказывается, что понятие когнитивного *более широкое*, чем сознание и эмоции, и что последние могут рассматриваться как определенные стороны когнитивного процесса. Такому рассмотрению противоречит традиционное противопоставление когнитивного и эмоционального, а также и подход к сознанию и эмоциям не как к разным аспектам когнитивного, а как к сущностям, рядоположенным когнитивному. В то же время оно находится в соответствии с представлениями целого ряда авторов, формулирующих разные варианты «когнитивного подхода» к эмоциям (Frijda, 1987; Oatley, Johnson-Laird, 1987; Schachter, 1964; Smith, Ellsworth, 1985; Solomon, 1976; de Sousa, 2003), полагающих, что эмоции несут информацию, используемую в принятии решения (Damasio, 1998, 2000; Clore et al., 1994; Raghunathan, Pham, 1999; Schwarz, 1990), и подчеркивающих, что когнитивная оценка — интегральная составляющая всех эмоций (Lazarus, 1982).

Ниже будет дано определение сознания и эмоций, ограничивающее область, в которой применима предлагаемая концепция. Здесь же остается лишь добавить, что правомерность выделения в качестве пары именно сознания и эмоций согласуется с рассмотрением эмоций как антагонистов рациональности и разума (rationality, reason; Averill, 1980; Davidson, 2000; Delgado, 1966; Dolan, 2002; Lazarus, 1982; de Sousa, 2003) при том, что reason и rationality есть отличительные признаки сознания (Block, 1995).

Анализ работ многих авторов (Иваницкий, 1999; Edelman, 1989; Gray, 1995; John et al., 1997, и др.) приводит к заключению о том, что наиболее общим для них является вывод о связи сознания и процессов сличения характеристик текущих изменений среды с характеристиками сформированных моделей, т. е. параметров ожидаемых и реальных *стимулов*. Предлагаемое в настоящей концепции понимание сознания в принципе не противоречит этому выводу. Однако существует серьезное препятствие на пути использования теоретических представлений, которые стоят за этим выводом, для разработки системного понимания сознания. Это препятствие состоит в том, что подавляющее большинство авторов в развитии своих представлений основываются на положениях более или менее модернизированного подхода «стимул — реакция», а данный подход неизменно приводит их к тому пониманию сознания, основную идею которого Д. Деннетт очень точно определил как идею «картезианского театра» — места, в котором «вся информация суммируется» и возникает сознание (Den-nett, 1993, p. 39).

Системное понимание структуры поведенческого континуума состоит в том, что он рассматривается как континуум этапных (промежуточных) и конечных результатов, при достижении которых сличаются ожидаемые и реально полученные параметры результатов. В этом континууме нет места стимулам. С этих позиций можно полагать, что рассматриваемые в литературе в качестве механизмов сознания процессы «сличения ожидаемых и реальных

параметров» имеют место на всем протяжении поведенческого континуума — как во время реализации поведенческого акта, так и при его завершении, причем предвидятся и сличаются параметры не стимулов, а результатов — конечного и этапных. Таким образом, сознание может быть сопоставлено с оценкой субъектом этапных и конечного результатов своего поведения, осуществляемой, соответственно, в процессе реализации поведения (как «внешнего», так и «внутреннего») и при его завершении. Эта оценка определяется содержанием субъективного опыта и ведет к его реорганизации.

В рамках такого понимания и учитывая аргументированную позицию ряда авторов (Зинченко, Моргунов, 1994; Damasio, 2000; Dennet, 1993; Tulving, 1985, и др.) о необходимости выделения уровней сознания может быть дано следующее описание «потока сознания». Сличение реальных параметров этапных результатов с ожидаемыми во время реализации поведенческого акта соответствует первому уровню сознания. Сличение реальных параметров конечного результата поведенческого акта с ожидаемыми (с целью) во время переходных процессов (от одного акта к другому) соответствует второму (высшему) уровню сознания.

Появление сознания в эволюции не было, как точно замечает Дж. Экклс, «внезапным озарением» (Eccles, 1992). Оценка результатов поведения осуществляется не только человеком, но и животным. Процесс оценки результатов у животных может быть сопоставлен с «протосознанием». Однако индивидуальный опыт, вовлекаемый в процесс оценки

результата, у животных и человека существеннейшим образом различается.

Животное использует лишь опыт его собственных отношений со средой или, в специальных случаях, опыт особи, с которой оно непосредственно контактирует. Человек же использует опыт всего общества, опыт поколений, что изменяет его возможности в сравнении с животными и отличает «протокультуру» животных от культуры человека.

Анализ литературы (см.: Alexandrov, 1999a; Alexandrov, Sams, 2005) позволяет выявить сходство значения сознания и эмоций для организации поведения: эмоции, как и сознание, принимают участие в регуляции деятельности; эмоции, как и сознание, имеют большое коммуникативное значение; эмоции, как и сознание, связываются с процессами сличения ожидаемых и реальных параметров результатов во время реализации и при завершении действия.

Имея в виду указанное сходство, можно по аналогии с определением сознания, данным выше, сопоставить эмоции с оценкой субъектом результатов своего поведения, осуществляемой в процессе реализации поведения (как «внешнего», так и «внутреннего») и при его завершении.

Как уже было отмечено выше, формирование новых систем в процессе индивидуального развития обуславливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. Системы, формирующиеся на самых ранних стадиях онтогенеза, обеспечивают минимальный уровень дифференциации: хорошо — плохо, ар-

proach (приближение) — withdrawal (избегание). Это разделение применимо ко всем живым существам (Schneirla, 1939, 1959). В единой концепции сознания и эмоций эмоция связывается именно с упомянутыми наиболее древними и низкокодифференцированными уровнями организации поведения (см. сопоставимые в этом аспекте взгляды в следующих работах: Анохин, 1978; Ушакова, 2004; Швырков, 1984; Berntson et al., 1993; Cacioppo, Gardner, 1999; Davidson et al., 1990; Panksepp, 2000; Schneirla, 1939, 1959; Zajonc, 1980).

Эти рано формирующиеся системы не являются «положительными» или «отрицательными» — все они направлены на достижение положительных адаптивных результатов.

Сущность единой концепции сознания и эмоций. Основное положение единой концепции сознания и эмоций таково: сознание и эмоции являются характеристиками разных одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой трансформированные этапы развития и соответствующих различным уровням системной дифференциации (рис. 1).

Сознание и эмоции — характеристики, присущие наиболее и наименее дифференцированным уровням соответственно. Из последнего утверждения не следует, что данные характеристики принадлежат только двум уровням — наиболее и наименее дифференцированному. Континуальность в единой концепции сознания и эмоций означает, что в развитии нет критического момента появления сознания или исчезновения эмоций.

На каждом этапе развития, на каждом уровне системной дифференциации поведение может быть охарактеризовано с применением обеих характеристик: сознание (с-) и эмоции (э-), однако на каждом уровне соотношение этих характеристик различно. Выраженность с-характеристики нарастает по мере дифференциации, а э-характеристики уменьшается. Для каждого данного этапа развития э- и с-характеристики максимально выражены для противоположных концов системного континуума, т. е. для наименее и наиболее дифференцированных систем.

Следовательно, возвращаясь к определению эмоций, данному выше, следует добавить, что они связаны с оценкой результатов систем, обеспечивающих соотношение индивида и среды на низком уровне дифференциации.

Итак, в процессе развития осуществляется постепенный недизъюнктивный переход от формирования систем, для которых максимально выражена э-характеристика, к формированию систем, реализация которых характеризуется как проявление сознания, причем высокодифференцированные системы не заменяют низкодифференцированные. Поэтому поведение любого индивида обладает обеими этими характеристиками, выраженность которых зависит от ряда факторов. Отсюда следует, что единая концепция сознания и эмоций согласуется с позициями Р. Плутчика (Plutchik, 1980) и Р. Бака (Buck, 1989) в том, что все живые существа имеют эмоции.

От эмоций к сознанию. Есть основания предполагать, что раннее раз-

витие и научение взрослого сходны в том, что в обоих случаях процессы начинаются с наиболее глобальных (более «старых»: хорошо — плохо) систем и кончаются созданием дифференцированных (более новых) систем (см.: Alexandrov, Sams, 2005). Если принять, что соотношение старых и новых систем — важный фактор, влияющий на интенсивность эмоций (большой «вес» старых — интенсивнее эмоции; Alexandrov, Sams, 2005), то можно ожидать, что в раннем онтогенезе индивид менее дифференцированно соотносится со средой и более эмоционален, чем на более поздних стадиях, поскольку число все более дифференцированных систем в структуре субъективного опыта возрастает. Экспериментальные данные оправдывают это ожидание (см.: Gross et al., 1997; Fraisse, Piaget, 1963; Panksepp, 1994).

Наиболее рано, еще в пренатальном периоде формирующиеся низкокодифференцированные системы имеют максимально выраженную э-характеристику и способствуют достижению результатов целенаправленных поведенческих актов плода (см.: Александров и др., 1999). Акты, в основе которых лежат эти низкокодифференцированные системы, могут быть, по-видимому, отнесены к группе тех соотношений организма и среды, которые классифицируются в литературе как «амодальные» (Сергиенко, 2004).

Та же закономерность повышения дифференцированности, что обнаруживается в раннем онтогенезе, наблюдается в процессе научения, выявляясь в переходе от эмоционального неосознанного «предрешения» к осознанному решению (Тихомиров, 1975; Bechara et al., 1997).

Подобное движение осуществляется не только при научении, но и в микроинтервалах времени: в процессе развертывания отдельного дефинитивного поведенческого акта (Flavell, Draguns, 1957; McCauley et al., 1980; Navon, 1977).

Х. Вернер и Б. Каплан (Werner, Kaplan, 1956) привели убедительные аргументы в пользу того, что филогенетическое развитие может рассматриваться как увеличение максимальной дифференцированности и числа систем у данного вида. Также и фон Уэкскулл (von Uexkull, 1957) пришел к заключению, что в ходе эволюции разнообразие актов, которые могут совершить индивиды, возрастает.

Таким образом, во всех рассмотренных вариантах развития наблюдается общий принцип: от старых низкодифференцированных систем к более новым, более дифференцированным, т. е., упрощенно говоря, «от эмоций к сознанию». В этом смысле можно сказать, что онтогенез повторяет филогенез, научение повторяет онтогенез, а развертывание поведенческого акта повторяет научение. Конечно, масштабы времени перехода от сравнительно более низкой к высокой дифференциации в процессах фило-, онтогенеза, научения и реализации дефинитивного поведения обучения различны.

Мораль и закон

М. Мидгли (Midgley, 1994) отмечает возможность не дифференцировать термины «мораль» и «этика» для обсуждения общетеоретических вопросов. Мы согласны с этой позицией и будем использовать здесь термин «мораль».

В философии Нового времени четко осознано «практическое назначение морали», обеспечивающей удовлетворение потребностей и интересов общества в целом, как и отдельных индивидов (Дробницкий, 2002), выполняющей роль инструмента согласования индивидуальных действий для организации групповой деятельности (Maciver, Page, 1961). Происхождение сообществ, можно полагать, с самых первых моментов существования было связано с достижением коллективной цели – поддержания существования этого сообщества. Логично, что как моральное оценивается такое поведение, благодаря которому сообщество лучше всего сохраняется (Гоббс, 1964). Необходимость достижения коллективной цели согласует цели индивидов, которые «идут» на подобное согласование (ограничивающее, а не только предоставляющее дополнительные степени свободы), поскольку принадлежность индивида к сообществу дает ему преимущество по сравнению одиночной особью во всем спектре видов поведения, направленных на удовлетворение наиболее базовых потребностей.

Наличие подобной коллективной цели неизбежно связано с делением явлений, а также, и это наиболее важно для нас здесь, поведения индивидов на «хорошее», разрешенное, способствующее достижению этой цели и «плохое», запрещенное, препятствующее ее достижению. Именно с этого деления начинается формирование сообщества и структурных элементов культуры этого сообщества. Поэтому «культурное поведение» обязательно подразумевает хотя бы две возможности, из которых

только одна выступает как «правильная» (Лотман, 2000). Заметим, что Б. Спиноза (Спиноза, 1957) связывал существование добра и зла именно с наличием цели.

Мораль может быть сопоставлена с характеристиками наиболее древних и минимально дифференцированных базовых элементов культуры, которые «гораздо древнее, чем палеолитические ритуалы» (Wilson, 1998, p. 257). Эти элементы, находящиеся в основании доменов «хорошего» («правильного») поведения и «плохого» («неправильного»), явились основой для дальнейшей эволюции и дифференциации культуры. Они канализировали все ее дальнейшее развитие (рис. 1, правый фрагмент).

Рассматривая единицы культуры как среду для формирования всех возможных видов поведения у членов сообщества, можно согласиться с тем, что «моральный код» выступает как таксономия санкционированных действий (Goldberg, 2001), а моральное решение — как оценка (хорошо/плохо) действий, соотношенная с ценностями культуры (Haidt, 2001).

Любая единица культуры включает как элементы, сформированные на заре становления человеческого общества, так и новые, дифференцированные элементы, часть из которых может быть сопоставлена с «законом» (см. ниже). Закономерно поэтому, что любое знание субъекта о мире, формирующееся в культуре, соотносимо одновременно с моральными нормами и законом (Знаков, 2005а).

В культуре могут быть сформированы внешне одинаковые виды поведения, соотносимые и с доменом, обуславливающим формирование раз-

решенного («хорошо») и запретного («плохо») поведения. Поскольку «один и тот же» индивидуальный акт в зависимости от ситуации может быть соотнесен с разными доменами общественного опыта («хорошо» или «плохо»; см. перекрытие единиц доменов «плохо» и «хорошо» на рис. 1, правый фрагмент), а понимание ситуативных детерминантов может серьезно варьировать, «в жизни часто бывает нелегко понять, какой поступок в данной... ситуации будет хорошим или плохим» (Знаков, 2005б, с. 14). В структуре субъективного опыта также наличествует «перекрытие» актов, принадлежащих к положительно- и отрицательно-эмоциональным доменам опыта (см. перекрытие единиц доменов «неудовольствие» и «удовольствие» на рис. 1, фрагменты слева). Эти акты внешне одинаковы, но имеют разный системный состав и мозговое обеспечение (Alexandrov, Sams, 2005).

Таким образом, если эмоция в структурном плане обозначает принадлежность единиц субъективного опыта к «положительному» или «отрицательному» домену опыта, то мораль также обозначает множество разных единиц, но не опыта, а культуры, принадлежащих к «положительному» или «отрицательному» ее доменам. Если эмоция есть аспект рассмотрения системной структуры поведения, связанный с низкодифференцированными системами субъективного опыта, то и мораль — аспект рассмотрения системной структуры культуры, связанный с древними, низкодифференцированными системами этой структуры.

Как и культура в целом (см. выше), мораль не «потребляется» индивидом,

а, по существу, воссоздается им. Моральные нормы не просто принимаются, а опосредствуются отношением личности к обществу, они реконструируются ею скорее, чем усваиваются (Абульханова-Славская, 1980; Леонтович, 1979; Kohlberg, 1982; Tappan, 1997). Поскольку мораль воссоздается каждым индивидом, неудивительно, что «моральная интуиция» может приводить разных людей к противоположным моральным оценкам одного и того же события (Greene, 2003).

Хотя многими авторами мораль и нравственность не разделяются, имеется и аргументированная позиция, согласно которой мораль относится к описанию структур общественного знания, а нравственность — к характеристике «психологической структуры личности» (см.: Знаков, 1991). Имея в виду это разграничение, а также излагаемую позицию, согласно которой мораль является характеристикой элементов культуры, можно считать, что моральное воспитание, обучение, развитие (Eisenberg, 2000; Kohlberg, 1982; Mead, 1908; Moll et al., 2005; Tappan, 1997) индивида в обществе есть формирование нравственности.

При столкновении с явлением индивид «автоматически» (бессознательно) и быстро прикрепляет ему «ярлык» моральной оценки (Moll et al., 2005; 2002). Таким образом, акты входят в индивидуальную память с ярлыком, являющимся частью «социальной», «коллективной» оценки результата каждого из совершенных действий. Данная оценка является производным «коллективного монолога», превращенного во внутреннюю речь (Выготский, 1996). В этом смысле следует согласиться с пред-

ставлением, четко сформулированным около ста лет назад, о том, что моральная интерпретация нашего опыта может быть найдена внутри самого опыта (Mead, 1908).

Мы полагаем, что нравственность может быть рассмотрена как специфическая характеристика структуры субъективного опыта, соотносимая с моральной оценкой событий и действий и обобщающая множества единиц опыта по критерию этой оценки: приемлемы они в данной культуре или нет. Данная характеристика феноменологически соответствует свойствам семантической памяти в отличие от эпизодической (Tulving, 1985). Если эпизодическая память детальна и связана с конкретными актами, сформированными в течение жизни индивидом, с событиями его жизни, то семантическая память является обобщенной и относится к познанию закономерностей, правил, в соответствии с которыми в данной культуре совершаются конкретные действия и разворачиваются события. С семантической памятью часто связывается знание того, например, что такое справедливость, правда, дружба и пр.

Мораль, характеризующая низкодифференцированные системы культуры, не проявляется в субъективном плане в качестве четких законов и инструкций. Еще Плотин (204–270 гг. н. э.) замечал, что чистота морального принципа достигается лучше на бессознательном уровне, а сознательный анализ здесь далеко не всегда полезен (см.: Разин, 2002). Также и Д. Юм (Hume, 1960/1777) подчеркивал, что мораль основана на «чувствовании», а не на «знании». Экспериментальные данные показывают,

что индивиды, как уже говорилось, оценивают события с моральной точки зрения «автоматически» (Moll et al., 2005), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их (Бобнева, 1978).

Стадии морального развития отражают формирование системной структуры субъективного опыта, одной из характеристик которой является связь доменов и субдоменов опыта с нравственной оценкой — классификацией, причем чем больше актов («внешних» и «внутренних», своих и чужих) оценивается и накапливается и, следовательно, подвергается подобной классификации, тем более обобщенной и менее связанной с конкретным актом и его результатом становится оценка. И тем более «автоматической», интуитивной становится нравственная операция с каждым следующим индивидуальным актом.

Под интуицией, которая играет центральную роль в межличностных отношениях, в выборе поведения и принятии решений (Neisser, 1963), предлагается понимать «феноменологический и поведенческий коррелят... субъективного опыта... полученного путем имплицитного научения» (Lieberman, 2000, p. 110, 109). Мы полагаем, что имплицитный характер научения при данном варианте морального развития определяется тем, что последнее характеризуется формированием не новых элементов субъективного опыта, а специфических отношений между элементами в структуре опыта (об этих двух путях реорганизации структуры опыта см.: Александров, 2005). В литературе накоплен значительный материал, свидетельствующий в пользу только что

описанной направленности морального развития при накоплении опыта. Хотя моральное развитие предстает как процесс непрерывный, как и в других случаях, здесь имеются особенно важные, «сенситивные» периоды формирования нравственности — возможно, 9–15 лет (см.: Haidt, 2001).

По-видимому, к нравственной оценке имеет отношение не только характеристика структуры опыта, о которой шла речь выше, но и специальные акты, формирующиеся при возникновении эксплицитно сформулированной (извне или изнутри) задачи решения моральной дилеммы. Если первый, «имплицитный» вариант морального развития согласуется с интуитивистскими представлениями и не соответствует рационалистским, то этот, второй с последними согласуется.

В то же время в рамках «социального интуитивистского подхода» последний вариант рассматривается как вторичный: моральное решение — эмоциональное, быстрое и интуитивное, а моральное рассуждение является лишь *post hoc* конструкцией «для других», обосновывающей и легитимирующей принятое ранее решение (Haidt, 2001; см. также: Waller, 1997 о необязательности рациональной рефлексии для морального решения и о меньшей эффективности последнего варианта, связанного с рефлексией, для морального развития).

Имея в виду сказанное, можно следующим образом интерпретировать известное кантовское положение о моральном законе, который «внутри нас». Во-первых, он не сразу там, а появляется внутри нас по мере

индивидуального развития, проходя определенные стадии формирования. Во-вторых, он оказывается всегда «внутри нас» не по мистическим причинам, перед которыми можно только благоговеть, а потому, что: а) наш геном, как и мораль, имеет эволюционную историю (причем общую), которая канализирует наше развитие; б) наш опыт формируется в культуре, каждая единица которой имеет в своем основании низкодифференцированные системы, и, чему бы мы ни учились, окажется, что они отражены в сформированном нами опыте. Поэтому на вопрос о том, может ли существовать «морально индифферентное действие» (Кант, 1785), с наших позиций следует очевидный ответ: структурно нет. Со своих позиций А. Шопенгауэр также приходит к заключению, что всякий мотив имеет отношение к благу или злу (Шопенгауэр, 1999, с. 271).

Говоря о морали в эволюционном аспекте, следует согласиться с тем, что, конечно, человеческая мораль не может быть сведена к тому или уравнена с тем, что обнаруживается у других общественных существ. Но мораль — эволюционно формирующийся феномен, не ограниченный только человеческим сообществом. Имеется много фактического материала, свидетельствующего в пользу того, что зависимость поведения индивида от других особей, кооперация, «положительное взаимодействие» (например, предупреждение об атаке хищника), наконец, «альтруизм» (принесение своих интересов или даже себя в жертву для пользы других) имеют глубокие эволюционные корни и обнаруживаются не только у животных, но, и у насекомых, од-

ноклеточных организмов и растений (Кропоткин, 1922; Швырков, 2006; Файнберг, 1980; Эфроимсон, 1995; Casebeer, 2003; Dugatkin, 2002; Midgley, 1994; Moll et al., 2005; Strassmann et al., 2000; Trewavas, 2003; Wilson, 1998; Wright, 1995, и др.).

Из единой концепции сознания и эмоций следует, что эмоция как характеристика элементов низкой дифференциации указывает на то, к какому домену субъективного опыта принадлежит актуализированная его единица, обеспечивающая данный поведенческий акт. В то же время сознание рассматривается как характеристика новых, сравнительно высоко дифференцированных элементов, указывающая, какая именно из множества альтернатив выбрана и реализуется. Сходным образом могут быть проанализированы характеристики низко- и высокодифференцированных элементов культуры.

От морали к закону. Мораль уже была сопоставлена нами с наиболее древними, рано сформированными элементами. Закон же связан с более дифференцированными системами. Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы — общие для разных людей, эпох и ситуаций, для разных культур. Для выживания всех сообществ было важно осуждать трусость, ложь во имя личной выгоды и пр. Действительно, многократно и убедительно обосновано, что моральные основания в самых разных обществах на протяжении всей истории человечества универсальны (Дробницкий, 2002; Кэмпбелл, 1979; Меркулов, 2000; Уайт, 2004; Шопенгауэр, 1999; Kohlberg, 1982; Moll et al., 2005,

и др.). При этом, конечно, довольно давно пришло и понимание огромного разнообразия культурных правил, традиций, исходящих из сходных посылок, таких, например, как необходимость почитать родителей или отвечать за детей. Это значит в разные века и в разных странах очень разное.

Из сказанного, казалось бы, следует, что поскольку в основании единиц культуры на протяжении всей эволюции последней находятся все те же низкодифференцированные древние системы, характеристикой которых и оказывается мораль, то говорить об «эволюции морали», имея в виду ее модификацию, нельзя. Обоснования утверждений, согласующихся с этой логикой, можно найти в литературе. Так, например, указывается, что неправомерно считать, что при развитии культуры имеет место эволюция морали и в связи с этим нет никаких оснований считать первобытные народы более или менее моральными, чем народы ныне существующих культур (Уайт, 2004). Однако, во-первых, нельзя исключить, что старые системы в структуре культуры, как и таковые в структуре субъективного опыта, претерпевают модификации, связанные с включением в структуру вновь формируемых систем. Эти модификации элементов субъективного опыта, подстраивающие их к новой структуре опыта, были названы нами «аккомодационной реконсолидацией» (Александров, 2005). Во-вторых, роль одной и той же прасистемы при наращивании новых систем может изменяться, так как меняется единица культуры как целое, а именно она — среда формирования индивидуального поведения. В-третьих, разнооб-

разие и изощренность *post hoc* конструкций со временем нарастает. Этот процесс также может быть ответственным за изменение влияния морали на членов сообщества.

В то же время высокодифференцированные системы, в том числе соответствующие альтернативным вариантам поведения, могут иметь в основании одну и ту же низкодифференцированную систему (см. рис. 1). Таким образом, закон характеризует вариации нормирования поведения, зависящие от социально-экономической организации общества (например, социализм, капитализм), конкретной ситуации (насилие превышает пределы необходимой самообороны или нет) и массы других факторов. Поэтому данная характеристика значительно более динамична и изменчива, чем первая.

Из схемы на рис. 1, а также из сказанного выше о совместной актуализации низко- и высокодифференцированных элементов культуры следует, что формирование поведения в культуре, связанное с актуализацией ее целостных единиц, нормируется одновременно морально и юридически. Оказывается, что «право всегда включает в себя элементы обычая и традиции» (Дробницкий, 2002, с. 239), связанные с более старыми элементами культуры. Соответственно, И. Кант (Kant, 1785/1887) писал, что согласие данного действия с юридическим законом есть его «законность», а с моральными нормами — его же «моральность».

И. Кант также многократно подчеркивал, что юридические обязанности диктуются извне, через «внешнее законодательство», внешние правила, в то время как «моральное

законодательство не может быть внешним» (Kant, 1785/1887). По-видимому, логика всего сказанного выше позволяет полагать, что превращение формируемых индивидом, часто невербализуемых моральных правил во внешние правила, кодексы и пр. (что делалось на протяжении всей истории как в религиозной, так и в светской практике) меняет их статус внутренних моральных норм. Они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями, например, отношением к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличием ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива. Ответ на вопрос о том, насколько полезно такое изменение статуса, зависит от того, в какую эпоху это происходит, кто является потребителем кодексов, от кого, от чьего имени они исходят, на каком этапе развития индивид знакомится с кодексом. От этих и других факторов зависит, как отразится на структуре субъективного опыта индивидов ознакомление с предлагаемыми правилами. Разработка этой проблемы в экспериментальных исследованиях, как нам кажется, может принести интересные и важные результаты.

Мораль и эмоции. Итак, моральные суждения основываются на интуиции и «инстинктивном чувстве», говорящем, что есть хорошо, а что — плохо (Greene, 2003; Haidt, 2001, и

др.). Отсюда следует предположение, что решение моральных дилемм может быть связано с повышенной активностью низкодифференцированных систем субъективного опыта и, следовательно, с повышенной интенсивностью эмоций. Подобные соображения подкрепляются данными «обыденной науки» и высказывались уже Аристотелем (см.: Разин, 2002). В то же время традиционно в психологии морали подчеркивалась роль разума в вынесении моральных суждений. Лишь в последнее время (вновь) было обращено внимание на вовлеченность эмоций в данный процесс, имеющий интуитивный характер (Greene et al., 2001; Eisenberg, 2000; Haidt, 2001; Moll et al., 2002), хотя рационализм остается еще «правляющим» подходом в этой области (Haidt, 2001).

Роль «моральных эмоций», говоря о них с точки зрения «позиции первого лица» («first person perspective»), как и эмоций вообще (Alexander, Sams, 2005), может состоять в первичной, грубой ориентации в том, к какому домену субъективного опыта относится данная ситуация, данное поведение — положительному или отрицательному. Специфика же в случае «моральных эмоций», по-видимому, состоит в том, что это отнесение связано с очевидной принадлежностью данного поведения к группе, формируемой в рамках либо положительного, либо отрицательного доменов культуры. Выше мы отмечали, что, оценивая результаты своего поведения, индивид дает им «общественную оценку» и испытывает приятные ощущения в случае морального поведения потому, что «общество» использует для оценки,

наряду с другими терминами, и термины принадлежности поведения к группе актов, сформированных в домене «хорошо», — похвалу.

Предположение о связи решения моральных дилемм и эмоций подтверждается экспериментами с картированием мозга испытуемых, решающих моральную дилемму: у них обнаруживается повышение активности структур, связываемых с эмоциями (например, миндалины) (Casebeer, 2003; Greene et al., 2001; Moll et al., 2005; 2002; см. также: Haidt, 2001). «Автоматическое», бессознательное моральное оценивание со-

провождается возникновением «моральных эмоций» и активацией, наряду с «эмоциональными» структурами, также областей мозга, связываемых с социальным поведением (например, орбитофронтальная кора). Когда же, как это особенно часто бывает в условиях лабораторного эксперимента, вместо имплицитной оценки разворачивается эксплицитное моральное рассуждение и принятие решения, набор достоверно увеличивающих активность структур изменяется: вовлекаются некоторые дополнительные области префронтальной коры (см.: Moll et al., 2002).

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Абульханова К.А., Александров Ю.И., Брушлинский А.В. Комплексное изучение человека // Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 11–19.
- Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: ИП РАН, 2006.
- Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
- Александров Ю.И. Сознание и эмоции // Теория деятельности и социальная практика. 3-й международный конгресс. М., 1995а. С. 5–6.
- Александров Ю.И. Макроструктура деятельности и иерархия функциональных систем // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 26–30.
- Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004. С. 39–85.
- Александров Ю.И. Научение и память: традиционный и системный подходы // Журн. высш. нервн. деят. 2005. Т. 55. Вып. 6. С. 842–860.
- Александров Ю.И., Брушлинский А.В., Судаков К.В., Умрюхин Е.А. Системные аспекты психической деятельности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Анохин К.В. Психофизиология и молекулярная генетика мозга // Психофизиология / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2006. С. 385–400.
- Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Анохин П.К. Из тетрадей П.К. Анохина // Психол. журн. 1980. Т. 1, № 4. С. 185–187.
- Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности //

- А.Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 118–128.
- Барабанищikov В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
- Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
- Богданов А.А.* Из психологии общества. СПб., 1906. [Цит. по: *Никитина Н.Н.* Философия культуры русского позитивизма начала века. М.: Аспект Пресс, 1994.]
- Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (тектология). Т. 1–2. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1913–1917.
- Брушлинский А.В.* Первые уточнения текстов Выготского Л.С. // Психол. журн. 1996. Т. 17, № 3. С. 19–25.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Под ред. В.В. Знакова. СПб.: Алетейя, 2003.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: ИП РАН, 2005.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987.
- Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гоббс Т.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Мысль, 1964.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26–41.
- Гусельцева М.С.* Категория культуры в психологии и гуманитарных науках // Вопр. психол. 2006. № 4. С. 3–14.
- Доукинз Р.* Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
- Дробницкий О.Г.* Моральная философия. Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
- Дубинин Н.П.* Биологическое и социальное в человеке // Биологическое и социальное в развитии человека / Под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1977. С. 81–93.
- Дубровский Д.И.* Существует ли внесловесная мысль? // Вопр. филос. 1977. № 9. С. 97–104.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Дьюи Дж.* Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000.
- Журавлев А.Л.* Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений в обществе // Труды института психологии РАН. Т. 2 / Под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Бодрова. М.: ИП РАН, 1997. С. 123–129.
- Журавлев А.Л.* Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А.Л. Журавлева и Н.В. Тарабриной. М.: ИП РАН, 2003. С. 7–20.
- Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г.* Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
- Знаков В.В.* Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психол. журн. 1991. Т. 12, № 1. С. 32–43.

- Знаков В.В.* Психология понимания. Проблемы и перспективы. М.: ИП РАН, 2005.
- Знаков В.В.* Предисловие // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикина. М.: ИП РАН, 2005а. С. 5–8.
- Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикина. М.: ИП РАН, 2005б. С. 9–44.
- Иваницкий А.М.* Психофизиология сознания // Основы психофизиологии / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Инфра-М, 1997. С. 202–219.
- Иваницкий А.М.* Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникают субъективные переживания // Психол. журн. 1999. Т. 20, № 3. С. 93–104.
- Иванченко Г.В.* Принцип необходимости разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: ТРТУ, 1999.
- Карнейро Р.Л.* Культурный процесс // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / Под ред. Л.А. Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 421–438.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997.
- Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. СПб.; М.: Книгоизд-во «Голос Труда», 1922.
- Кэмпбелл Д.Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М.И. Бобневой и Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1979. С. 76–102.
- Левин К.* Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психол. журн. 1990. Т. 11, № 5. С. 134–158.
- Леонтович К.Ф.* Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М.И. Бобневой и Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1979. С. 204–218.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Лихачев Д.С.* Культура как целостная динамическая среда // Вестник РАН. 1994. № 8. С. 721–725.
- Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. М.: Московский психосоциальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36.
- Лурия А.Р.* О месте психологии в ряду социальных и биологических наук // Вопр. филос. 1977. № 9. С. 68–76.
- Лурия А.Р.* Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике (Размышления психолога о книгах Н. Хомского) // Вопр. филос. 1975. № 4. С. 142–149.
- Лурия А.Р.* Эволюционное введение в психологию: материалы к курсу лекций по общей психологии. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1975а.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979.

- Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Малиновский Б.К.* Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / Под ред. Л.А. Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 681–702.
- Марголис Д.* Личность и сознание. Перспективы нередуктивного материализма. М.: Прогресс, 1986.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
- Марцинковская Т.Д.* Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994.
- Меркулов И.П.* Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание / Под ред. И.П. Меркулова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 70–83.
- Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журн. 1995а. Т. 16, № 1. С. 3–18.
- Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд. Продолжение // Психол. журн. 1995б. Т. 16, № 2. С. 3–14.
- Нуаре Л.* Орудие труда. Киев.: Гос. изд-во Украины, 1925.
- Одинцова М.А.* Социальные представления об интеллектуальности: сравнительное исследование на российской выборке: Дипломная работа / Высшая школа психологии. М., 2005.
- Орбели Л.А.* Эволюционный принцип в применении к физиологии центральной нервной системы // Успехи современной биологии. 1942. Вып. 2. С. 257–272.
- Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М.: КМК Scientific Press, 2005.
- Петренко В.Ф.* Школа Леонтьева А.Н. в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа Леонтьева А.Н. М.: Смысл, 1999. С. 11–37.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Поршнев В.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1975.
- Разин А.В.* Этика: история и теория. М.: Академический проект, 2002.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 2. М.: Педагогика, 1989а.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
- Сергиенко Е.А.* Восприятие и действие: взгляд на проблему с точки зрения оттогенетических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 2. С. 16–37.
- Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006.
- Сколотовский Г.* Карл Поппер и объективность научного знания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / Под ред. В.Н. Садовского. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 242–267.
- Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- Смирнова (Александрова) Н.Л.* Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К.А. Абульхановой, М.И. Воловиковой. М., 1993. С. 97–103.

- Смирнова (Александрова) Н.Л.* Социальные репрезентации интеллектуальности (на примере российской выборки) // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 6. С. 61–68.
- Смирнова (Александрова) Н.Л.* Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И.Воловиковой. М.: ИП РАН, 1997. С. 112–130.
- Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
- Степин В.С.* Анализ исторического развития философии науки в СССР // *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 424–440.
- Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994.
- Тулмин С.* Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
- Туровский М.Б.* Философские основания культурологии. М.: РОССПЭН, 1997.
- Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
- Ушаков Д.В.* Мышление и интеллект // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004. С. 291–353.
- Ушакова Т.Н.* Речь. Истоки и принципы развития. М.: Пер Се, 2004.
- Ушакова Т.Н.* Психология речи и языка. Психоллингвистика // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004а. С. 353–395.
- Файтберг Л.А.* У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М.: Наука, 1980.
- Хомский Н.* О природе и языке. М.: УРСС, 2005.
- Чуприкова Н.И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н.И.* Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX–начала XX в // Вопр. психол. 2000. №. 1. С. 109–125.
- Швырков В.Б.* Психофизиология поведения и эмоции // Материалы международной советско-американской Павловской конференции, посвященной П.К. Анохину «Эмоции и поведение: системный подход». М., 1984. С. 317–319.
- Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избранные труды / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: ИП РАН, 2006.
- Шопенгауэр А.* Две основные проблемы этики. Афоризмы житейской мудрости. Минск: ООО «Попурри», 1999.
- Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995.
- Abric J.-C.* A Theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction // R.M. Farr, S. Moscovici (eds.). Social Representations. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 169–184.
- Abric J.-C.* Central system, peripheral system: Their functions and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. Vol. 2. P. 75–78.
- Adolphs R.* The neurobiology of social cognition // Current opinion in neurobiology. 2001. Vol. 11. P. 231–239.
- Alexandrov Yu.I.* Psychophysiological regularities of the dynamics of individual experience and the «stream of consciousness» // C. Teddei-Ferretti, C. Musio (eds.). Neuronal bases and psychological aspects of consciousness. Singapur; N. Y.; L.; Hong-Kong: World Scientific, 1999a. P. 201–219.
- Alexandrov Yu.I.* Comparative description of consciousness and emotions in the framework of systemic understanding of behavioral continuum and individual development // C. Teddei-Ferretti, C. Musio (eds.). Neuronal bases and psychological

aspects of consciousness. Singapur; N. Y.; L.; Hong-Kong: World Scientific, 1999b. P. 220–235.

Alexandrov Yu.I. On the way towards neuroculturology: From the neuronal specializations through the structure of subjective world to the structure of culture and back again // Proceeding of the International symposium «Perils and prospects of the new brain sciences». Stockholm, 2001. P. 36–38.

Alexandrov Yu.I. Neuronal specializations, emotion and consciousness within culture // Toward a science of consciousness. Tucson 2002. Research Abstracts, Arizona: University of Arizona, 2002. P. 157–158.

Alexandrov Yu.I., Grechenko T.N., Gavrilov V.V., Gorkin A.G., Shevchenko D.G., Grinchenko Yu.V., Aleksandrov I.O., Maksimova N.E., Bezdenezhnykh B.N., Bodunov M.V. Formation and realization of individual experience: a psychophysiological approach // R. Miller, A.M. Ivanitsky & P.V. Balaban (eds.). Conceptual advances in brain research. Vol. 2. Conceptual advances in Russian neuroscience: Complex brain functions, Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. P. 181–200.

Alexandrov Yu.I., Sams M.E. Emotion and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive Brain Research. 2005. Vol. 25. P. 387–405.

Averill J.R. On the paucity of positive emotions // K.R. Blankstein, P. Pliner, J. Polivy (eds.). Advances in the study of communication and affect. Vol. 6. Assessment and modification of emotional behavior. N. Y.; L.: Plenum Press, 1980. P. 7–41.

Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // Japanese Psychological Research. 1987. Vol. 29. P. 17–26.

Baldwin J.M. The individual and society or psychology and sociology. Boston.: Richard G. Badger, 1911.

Barensten K.B., Tretvik J. An activity theory approach to affordance // ACM International Conference Proceeding Series; Proceedings of the second Nordic conference on Human-computer interaction. Aarhus, Denmark, 2002. Vol. 31. P. 51–60.

Bates E., Thal D., Janowsky J. Early language development and its neural correlates // I. Rapin, S. Segalowitz (eds.). Handbook of neuropsychology. Vol. 7: Child neuropsychology. Amsterdam: Elsevier, 1992.

Bates E., Dale P.S., Thal D. Individual differences and their implications for theories of language development // P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). Handbook of Child Language. Oxford: Basil Blackwell, 1995. P. 96–151.

Bechara A., Damasio, H., Tranel D., Damasio A.R. Deciding advantageously before knowing the advantageous strategy // Science. 1997. Vol. 275. 5304. P. 1293–1295.

Bereiter C., Scardamalia M. Rethinking learning // D.R. Olson, N. Torrance (eds.). The Handbook of education and human development: New models of learning, teaching and schooling. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1996, P. 483–513.

Berntson G.G., Boysen S.T., Cacioppo J.H. Neurobehavioral organisation and the cardinal principle of evaluative bivalence // Annals of The New York Academy of Sciences. 1993. Vol. 702. P. 75–102.

Block N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. P. 227–287.

Bloom H. Instant evolution. The influence of the city on human genes: a speculative case // New Ideas in Psychology. 2001. Vol. 19. P. 203–220.

Buck R. Subjective, expressive, and peripheral bodily components of emotion // H. Wagner, A. Manstead (eds.). Handbook of social psychophysiology. Manchester: John Wiley and Sons Ltd., 1989. P. 199–221.

- Cacioppo J.T., Gardner W.L.* Emotion // *Ann. Rev. Psychol.* 1999. Vol. 50. P. 191–214.
- Candy L., Edmonds E.A.* Introducing creativity to cognition: Proceedings. Third creativity and cognition conference. Loughborough University: ACM Press, 1999. P. 3–6.
- Casebeer W.D.* Moral cognition and its neural constituents // *Nature Rev. Neurosci.* 2003. V. 4. P. 841–851.
- Chomsky N.* Language and mind. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1968.
- Clark E.V.* How language acquisition builds on cognitive development // *Trends in Cogn. Sci.* 2004. Vol. 8. P. 472–478.
- Clore G.L., Schwarz N., Conway M.* Affective causes and consequences of social information processing // S.W.Jr. Wyer, T.K. Srull (eds.). *Handbook of social cognition*. Vol. 1. Basic processes. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1994. P. 323–417.
- Corina D.P., Vaid J., Bellugi U.* The linguistic basis of left hemisphere specialization // *Science*. 1992. Vol. 255. P. 1258–1260.
- Csányi V.* 1993: How genetics and learning make a fish an individual: a case study on the paradise fish // *Perspectives in Ethology*. Vol. 10. Behaviour and Evolution / P.P.G. Bateson, P.H. Klopfer, N.S. Thompson (eds.). N. Y.: Plenum Press, 1993. P. 1–53.
- Damasio A.R.* Emotion in the perspective of an integrated nervous system // *Brain Research Reviews*. 1998. Vol. 26. P. 83–86.
- Damasio A.R.* The feeling of what happens. L.: Vintage, 2000.
- Davidson R.J.* Cognitive neuroscience needs affective neuroscience (and vice versa) // *Brain and Cognition*. 2000. Vol. 49. P. 89–92.
- Davidson R.J., Ekman P., Saron C.D., Senulis J.A.* Approach-withdrawal and cerebral asymmetry: emotional expression and brain physiology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58 (2). P. 330–341.
- Day R.L., Laland K.N., Odling-Smee J.* Rethinking adaptation. The niche-construction perspective // *Persp. Biol. Med.* 2003. Vol. 46. P. 80–95.
- Dehaene-Lambertz G., Dehaene S., Hertz-Pannier L.* Functional neuroimaging of speech perception in infants // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 2013–2015.
- Dejean A., Solano P.J., Ayroles J., Corbara B., Orivel J.* Arboreal ants build traps to capture prey // *Nature*. 2005. Vol. 434. P. 973.
- Delgado J.M.R.* Emotions. Iowa: W.M.C. Brown Company Publishers, 1966.
- Denett D.C.* Consciousness explained. L.: Penguin Books, 1993.
- Dolan R.J.* Emotion, cognition, and behavior // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 1191–1194.
- Donald M.* Précis of Origins of the modern mind: Three stages in the evolution of culture and cognition // *Behav. and Brain Sciences*. 1993. Vol. 16. P. 737–791.
- Donald M.* The central role of culture in cognitive evolution: A reflection on the myth of the «isolated mind» // L.P. Nucci, G. Saxe, E. Turiel (eds.). *Culture, thought, and development*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2000. P. 19–38.
- Dugatkin L.A.* Cooperation in animals: An evolutionary overview // *Biologia and Philosophy*. 2002. Vol. 17. P. 459–476.
- Eccles J.C.* Evolution of consciousness // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA*, 1992. Vol. 89. P. 7320–7324.
- Edelman G.M.* Neural Darwinism: The theory of neuronal group selection. N. Y.: Basic, 1987.
- Edelman G.M.* The remembered present. A biological theory of consciousness. N. Y.: Basic Books, 1989.
- Eder K.* The social construction of Nature. L.: Sage, 1996.

- Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Ann. Rev. Psychol.* 2000. Vol. 51. P. 665–697.
- Elbert T., Pantev Ch.* Increased cortical representation of the fingers of the left hand in string players // *Science.* 1995. Vol. 270. 5234. P. 305–307.
- Engel K.A., Fries P., Singer W.* Dynamic predictions: Oscillations and synchrony in top-down processing // *Nature Rev. Neurosci.* 2001. Vol. 2. P. 704–716.
- Feldman H., Csizentmihalyi M., Gardner H.* Changing the world: A framework for the study of creativity. Westport. CT: Praeger, 1994.
- Flavell J.H., Draguns J.* A microgenetic approach to perception and thought // *Psychol. Bulletin.* 1957. Vol. 54. P. 197–217.
- Fraisse P., Piaget J.* *Traité de psychologie expérimentale. V. Motivation, émotion et personnalité.* Paris: Presses Universitaires de France, 1963.
- Freeman W.J.* Three centuries of category errors in studies of the neural basis of consciousness and intentionality // *Neural Network.* 1997. Vol. 10. P. 1175–1183.
- Frijda N.H.* Emotion, cognitive structure, and action tendency // *Cognition and Emotion.* 1987. Vol. 1. P. 115–143.
- Gabora L.* The origin and evolution of culture and creativity // *Journal of Memetics: Evolutionary models of information transmission.* 1997. Vol. 1. P. 1–28.
- Gauthier I., Skudlarski P., Gore J.C., Anderson A.W.* Expertise for cars and birds recruits brain areas involved in face recognition // *Nature Neurosci.* 2000. Vol. 3 (2). P. 191–197.
- Geertz C.* *The interpretation of cultures.* N. Y.: Basic Books, 1973.
- Glazer C.S.* Emotion and cognition: research that connects. 2000, <http://ccwf.cc.utexas.edu/~cglazer/fttheory.htm>
- Glimcher P.W., Rustichini A.* Neuroeconomics: The consilience of brain and decision // *Science.* 2004. Vol. 306. P. 447–452.
- Goldberg E.* *The executive brain. Frontal lobes and the civilized mind.* Oxford Univ. Press, 2001.
- Gray J.A.* The content of consciousness: A neuropsychological conjecture // *Behav. Brain Sci.* 1995. Vol. 18. P. 659–722.
- Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgement // *Science.* 2001. Vol. 293. 5337. P. 2105–2108.
- Greene J.* From neural «is» to moral «ought»: What are the moral implications of neuroscientific moral psychology? // *Nature Rev. Neurosci.* 2003. Vol. 4. P. 847–850.
- Gross J.J., Carstensen L.L., Pasupathi M., Tsai J., Gotestam S.C., Hsu A.Y.C.* Emotion and aging: experience, expression, and control // *Psychology and Aging.* 1997. Vol. 12 (4). P. 590–599.
- Guilford J.P.* *Creativity* // *Amer. Psychol.* 1950. Vol. 5. P. 444–454.
- Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychol. Rev.* 2001. Vol. 108. P. 814–834.
- Hume D.* *An enquiry concerning the principles of morals.* La Salle, IL: Open Court., 1960.
- Ingold T.* *Evolving skills* // H. Rose, S.N.Y. Rose (eds.). *Alas, poor Darwin* NY: Harmony Books, 2000. P. 270–297.
- Jackson J.H.* *Selected writing of John Hughlings Jackson. I. & II.* N. Y.: Basic Books Inc., 1958.
- John E.R., Easton P., Isenhardt R.* Consciousness and cognition may be mediated by multiple independent coherent ensembles // *Consciousness and Cognition.* 1997. Vol. 6. P. 3–39.
- Kant I.* Introduction to the metaphysics of morals // *The Philosophy of law. An ex-*

- position of the fundamental principles of jurisprudence as the science of right. Edinburgh: T. & T. Clark, 1887. P. 20–42.
- Kawai M.* Newly-acquired pre-cultural behavior of the natural troop of Japanese monkeys on Koshima Islet // *Primates*. 1965. Vol. 6. P. 1–30.
- Kitayama S.* Culture and basic psychological processes – toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. // *Psychol. Bulletin*. 2002. Vol. 128. P. 89–96.
- Kitayama S., Markus H.R.* Yin and Yang of the Japanese self. The cultural psychology of personality coherence // D. Cervone, Y. Shoda (eds.). *The coherence of personality: social-cognitive bases of consistency, variability and organization*. N. Y.: Guilford, 1999. P. 242–302.
- Kohlberg L.* Moral development // J.M. Broughton, D.J. Freeman-Moir Norwood (eds.). *The cognitive-developmental psychology of James Mark Baldwin: Current theory and research in genetic epistemology*. New Jersey: Albex Publishing Corporation, 1982. P. 277–325.
- Lazarus R.S.* Thoughts on the relations between emotion and cognition // *American Psychologist*. 1982. Vol. 37. P. 1019–1024.
- Levine J.M., Resnick L.B.* Social foundations of cognition // *Annu. Rev. Psychol.* 1993. Vol. 44. P. 585–612.
- Levi-Strauss C.* *Les Structures Élémentaires de la parenté*. Paris, 1949. [Цит. по: Лотман Ю.М., 2000.]
- Lieberman M.D.* Intuition: A social cognitive neuroscience approach // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126. P. 109–137.
- Lickliter R.* An ecological approach to behavioral development: insights from comparative psychology // *Ecological psychology*. 2000. Vol. 14. P. 319–334.
- MacIver R.M., Page C.H.* *Society: an introductory analysis*. L.: Macmillan, 1961. P. 456. [Цит. по: Дробницкий О.Г., 2002.]
- Maguire E.A., Gadian D.G., Johnsrude I.S., Good C.D., Ashburner J., Frackowiak R.S.J., Frith Ch.D.* Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // *PNAS*. 2000. Vol. 97. P. 4398–4403.
- Mandler J.M.* Thought before language // *Trends in Cogn. Sci.* 2004. Vol. 8. P. 508–513.
- Maturana H.R.* *Biology of cognition*. Biological Computer Laboratory Research Report № 90. University of Illinois: Urbana, 1970.
- Maturana R.H., Varela F.J.* *The tree of knowledge*. Boston MA: Shambhala, 1987.
- McCauley Ch., Parmelee C.M., Sperber R.D., Carr Th.H.* Early extraction of meaning from pictures and its relation to conscious identification // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1980. Vol. 6. P. 265–276.
- McGrew W.C.* Culture in nonhuman primates? // *Ann. Rev. Anthropol.* 1998. Vol. 27. P. 301–328.
- Mead G.H.* The philosophical basis for ethics // *International Journal of Ethics*. 1908. Vol. 18. P. 311–323.
- Mekel-Bobrov N., Gilbert S.L., Evans P.D., Vallender E.J., Anderson J.R., Hudson R.R., Tishkoff S.A., Lahn B.T.* Ongoing adaptive evolution of ASPM, a brain size determinant in *Homo sapiens* // *Science*. 2005. Vol. 309. P. 5741. P. 1720–1722.
- Midgley M.* *The ethical primate. Humans, freedom and morality*. L.; N. Y.: Routledge, 1994.
- Miller N.E.* Liberalization of basic S-R concepts: extensions to conflict behavior, motivation, and social learning // S. Koch (ed.). *Psychology: A study of science. Study 1. Conceptual and systematic*. Vol. 2. General systematic formulations, learning, and special processes. N. Y.; Toronto; L.: McGraw-Hill Book Company, Inc, 1959. P. 196–292.
- Mills D.L., Coffey S.A., Neville H.J.* Language acquisition and cerebral specialization in 20-month-old infants // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 1993. Vol. 5. P. 317–334.

- Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P.J., Bramati I.E., Mourao-Miranda J., Andreiuolo P.A., Pessoa L.* The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions // *The Journal of Neurosci.* 2002. Vol. 22. P. 2730–2736.
- Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J.* The neural basis of human moral cognition // *Nature Rev. Neurosci.* 2005. Vol. 6. P. 799–809.
- Moscovici S.* On social representation // J.P. Forgas (ed.). *Social cognition: Perspectives on everyday life.* L.: Academic Press, 1981. P. 181–209.
- Murdock G.P.* *Culture and society.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1965.
- Navon D.* Forest before trees: The pre-cendence of global features in visual perception // *Cognitive Psychology.* 1977. Vol. 9. P. 353–383.
- Neisser U.* The multiplicity of thought // *British Journal of Psychology.* 1963. Vol. 54. P. 1–14.
- Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // *Psychol. Rev.* 2001. Vol. 108. P. 291–310.
- Nisbett R.E., Miyamoto Y.* The influence of culture: Holistic versus analytic perception // *Trends in Cognitive Sci.* 2005. Vol. 9. P. 467–473.
- Oatley K., Johnson-Laird P.N.* Towards a cognitive theory of emotions // *Cognition and emotion.* 1987. Vol. 1. P. 29–50.
- Panksepp J.* The basics of basic emotion // P. Ekman, R.J. Davidson (eds.). *The nature of emotion. Fundamental questions.* N. Y.; Oxford : Oxford University Press, 1994. P. 20–24.
- Panksepp J.* The neuro-evolutionary cusp between emotions and cognitions: Implications for understanding consciousness and the emergence of a unified mind science // *Consciousness and Emotion.* 2000. Vol. 1. P. 15–54.
- Pantev C., Oostenveld R., Engelien A., Ross B., Roberts L.E., Hoke M.* Increased auditory cortical representation in musicians // *Nature.* 1998. Vol. 392. P. 811–814.
- Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotion // R. Plutchik, H. Kellerman (eds.). *Emotion : Theory, research, and experience.* Vol. 1. Theories of emotion. N. Y.: Academic Press, 1980. P. 3–33.
- Popper K.R., Eccles J.C.* *The self and it's brain.* Berlin: Springer, 1977.
- Pulvermüller F.* Brain mechanisms linking language and action // *Nature Rev. Neurosci.* 2005. Vol. 6. P. 576–582.
- Raghunathan R., Pham M.T.* All negative moods are not equal: motivational influences of anxiety and sadness on decision making // *Organiz. Behav. and Human Processes.* 1999. Vol. 79. P. 56–77.
- Raudsepp M.* Why is it so difficult to understand the theory of social representations? // *Culture & Psychology.* 2005. Vol. 11. P. 455–468.
- Rendell L., Whitehead H.* Culture in whales and dolphins // *Behavioral and Brain Sciences.* 2001. Vol. 24. P. 309–382.
- Ribot Th.* *Les maladies de la mémoire.* Paris.: Félix Alcan, 1901.
- van Schaik C.P., Ancrenaz M., Borgen G., Galdikas B., Knott C.D., Singleton. I., Suzuki A., Utami S.S., Merrill M.* Orangutan cultures and the evolution of material culture // *Science.* 2003. Vol. 299. P. 102–105.
- Schneirla T.C.* A theoretical consideration of the basis for approach-withdrawal adjustments in behavior // *Psychological Bulletin.* 1939. Vol. 37. P. 501–502.
- Schneirla T.C.* An evolutionary and developmental theory of biphasic processes underlying approach and withdrawal // M.R. Jones (ed.). *Nebraska simposium on motivation.* Vol. 7. Lincoln: University of Nebraska Press, 1959. P. 1–42.

- Schwarz N.* Feelings as information. Informational and motivational functions of affective states // E.T. Higgins., R.M. Sorrentino (eds.). *The Handbook of motivation and cognition: Foundations of social behavior*. Vol. 2. N. Y.: Guilford Press, 1990. P. 527–561.
- Sebanz N., Bekkering H., Knoblich G.* Joint action: Bodies and minds moving together // *Trends in Cognitive Neurosci.* 2006. Vol. 10. P. 70–76.
- Smith C.A., Ellsworth P.C.* Patterns of cognitive appraisal in emotion // *Journal of personality and Social Psychology*. 1985. Vol. 48. P. 813–838.
- Solomon R.C.* *The passions*. Garden City. N. Y.: Doubleday Anchor, 1976.
- de Sousa R.* Emotion // E.N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* // <http://plato.stanford.edu/archives/spr2003/entries/emotion/>.
- Sternberg R.J.* Cultural explorations of human intelligence around the world // W.J. Lonner, D.L. Dinnel, S.A. Hayes, D.N. Sattler (eds.). *Online readings in psychology and culture (Unit 5, chapter 1)*. 2002. <http://www.ac.wvu.edu/~culture/Sternberg.htm>. Center for Cross-Cultural research, Western Washington University, Bellingham, Washington USA.
- Sternberg R., Conway B.E., Ketrion J.L., Bernstein M.* People's conceptions of intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 41. P. 37–55.
- Strassmann J.E., Zhu Y., Queller D.C.* Altruism and social cheating in the social amoeba *Dictyostelium discoideum* // *Nature*. 2000. Vol. 408. P. 965–967.
- Tappan M.B.* Language, culture, and moral development: A Vygotskian perspective // *Developmental Review*. 1997. Vol. 17. P. 78–100.
- The ontogenesis of grammar // D.I. Slobin (ed.). N. Y.: Academic Press, 1971.
- Thompson E., Varela F.J.* Radical embodiment: neural dynamics and consciousness // *Trends in Cognit. Sci.* 2001. Vol. 5. P. 418–425.
- Thornton Ch.* Creativity and runaway learning. 2003/ <http://www.cogs.susx.ac.uk/users/christ/papers/creativity-as-learning.pdf>.
- Tomasello M.* The human adaptation for culture // *Ann. Rev. Anthropol.* 1999. Vol. 28. P. 509–529.
- Tononi G., Edelman G.M.* Consciousness and complexity // *Science*. 1998. Vol. 282. P. 1846–1851.
- Trewavas A.* Aspects of plant intelligence // *Annals of Botany*. 2003. Vol. 92. P. 1–20.
- Tulving E.* Memory and consciousness // *Canadian Psychology*. 1985. Vol. 26. P. 1–12.
- Von Uexkull J.* A stroll through the worlds of animals and men // *Instinctive behavior – The development of a modern concept*. N. Y.: International University Press, 1957. P. 5–80.
- Voelklein C., Howarth C.* A review of controversies about social representations theory: A british debate // *Culture & Psychology*. 2005. Vol. 11. P. 432–454.
- Waller B.N.* What rationality adds to animal morality // *Biology and Philosophy*. 1997. Vol. 12. P. 341–356.
- Werner H.* Foreword // H.A. Witkin, R.B. Dyk, H.F. Faterson, D.R. Goodenough, S.A. Karp (eds.). *Psychological Differentiation. Studies of development*. N. Y.; L.: John Wiley and Sons, Inc., 1962. P. V–VII.
- Werner H., Kaplan B.* The developmental approach to cognition: its relevance to the psychological interpretation of anthropological and ethnolinguistic data // *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58. P. 866–880.
- White L.A.* *The science of culture*. N. Y.: Farrar, Straus and Cudahy, 1949.
- White L.A.* The concept of culture // *American Anthropologist*. 1959. Vol. 61. P. 227–251.
- Whiten A., Goodall J., McGrew W.C., Nishida T., Reynolds V., Sugiyama Y., Tutin C.E.G.,*

Wrangham R.W., Boesch C. Cultures in chimpanzees // *Nature*. 1999. Vol. 399. P. 682–685.

Whiten A., Horner V., de Waal F. Conformity to cultural norms of tool use in Chimpanzees // *Nature*. 2005. Vol. 437. P. 737–740.

Whitehead H. Cultural selection and genetic diversity in matrilineal whales // *Science*. 1998. Vol. 282. P. 1708–1711.

Wilson E.O. Consilience. The unity of knowledge. N. Y.: A.A. Knoff, 1998.

Witkin H.A. A cognitive style approach to cross-cultural research // *International J. of Psychology*. 1967. Vol. 2. P. 233–250.

Witkin H.A., Dyk R.B., Faterson H.F., Goodenough D.R., Karp S.A. Psychological differentiation. Studies of development. N.Y.; L.: John Wiley and Sons, Inc., 1962.

Wright R. The moral animal. Evolutionary psychology and everyday life. N. Y.:Vintage Books, 1995.

Xu F. The role of language in acquiring object kind concepts in infancy // *Cognition*. 2002. Vol. 85. P. 223–250.

Zajonc R.B. Feeling and thinking. Preferences need no inferences // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 151–175.